

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ
В МОСКВУ,
ДЕТКА!

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНЮЮ
БРАНЬ

18+

Лена Птица

Добро пожаловать в Москву, детка!

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=36069555

SelfPub; 2020

ISBN 978-5-532-06234-4

Аннотация

Две девушки-провинциалки "слегка за тридцать" пытаются покорить Москву. Вера мечтает стать актрисой, а Катя – писательницей. Но столица открывается для подруг совсем не радужной. Нехватка денег, неудачные романы, сложности с работой. Но кто знает, может быть, все испытания даются нам неспроста? В этой книге вы не найдете счастливых розовых историй, построенных по приторным шаблонам. Роман очень автобиографичен и буквально списан автором у жизни. Книга понравится тем, кто любит детальность, ценит прозу жизни, как она есть, без прикрас, и задумывается над тем, чем он хочет заниматься на самом деле. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Пролог	4
Часть 1	6
Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	14
Глава 4	17
Глава 5	22
Глава 6	26
Глава 7	30
Глава 8	49
Глава 9	52
Глава 10	59
Глава 11	64
Глава 12	69
Глава 13	73
Глава 14	77
Глава 15	82
Глава 16	89
Глава 17	95
Глава 18	101
Конец ознакомительного фрагмента.	103

Пролог

Евгений закончил переговоры и, отпустив всех, набрал своей бывшей жене Марине. Два пропущенных звонка за какие-то полтора часа, на нее совсем не похоже, может что-то с Сашей?

– Привет, Марин, что случилось?

– Да собственно ничего. – услышал мужчина знакомые нотки предстоящего стеба.

– Я хотела спросить, ты вообще в курсе современной публицистики? Так, хотя бы немного почитываешь?

– Нннет, я не читаю современную, как ты говоришь, публицистику. – медленно ответил Евгений, пытаясь понять к чему клонит Марина.

– Очень жаль, дорогой. Одна из твоих...ммм...цитирую тебя же «сук», написала книгу, в которой ты, дорогой, предстал во всей красе со своими мазохистскими замашками!!! Браво! Аплодирую стоя! Ты увековечен, причем не только в России! Книжка – бестселлер, поэтому смотри себя скоро на голубых экранах.

– Черт! Что за бред, Марина? – Евгений абсолютно ничего не понимал, о какой еще книге стебалась его жена. – И что сильно похож? С чего ты вообще решила, что в этой книге описан именно я?

– Я узнала с первых строк! Я не поняла, ты с ней жил? Она

очень точно тебя уловила! Там другие имена, какие-то детали, конечно, не сходятся, но твоя звериная сущность, холодный твой рачий расчет, твоя страсть переданы великолепно!

– Ну не я один такой, могу тебя уверить. – пытаюсь успокоить себя и жену, отрезал мужчина.

– Поосторожнее с теми, кого трахаешь!

– Марин, заканчивай, какая-то полная ерунда! – неуверенно пытался оправдаться Евгений, перебирая в голове любовниц, которые могли бы чисто гипотетически что-либо написать.

– Ладно. – спокойно ответила женщина, довольная результатом. – Не так уж ты там и плох, даже в паре моментов загордилась! А книжку прочти, занятная.

Часть 1

Глава 1

Катька стояла в дверях, одной рукой держась за косяк, а другой надевая туфлю.

– Не удобно, все забываю купить какой-нибудь пуфик, – сказал Виктор, протягивая девушке две пятитысячные купюры и одну тысячу отдельно на такси.

– Да ладно, не заморачивайся, – улыбнулась девушка, сминая денежку в сумку. – Ну все, пока, спокойной ночи и удачных прыжков завтра! – сияя просталась Катька.

– Целую, и тебе. Синий шевроле, шестьсот двадцать пять. – тоже расплылся Виктор, как чеширский кот, своей загадочно-странной улыбкой.

– Да, да, запомнила! – крикнула девушка уже выходя.

«Фух! – отпустило Катьку, когда она села в такси. – Что за человек этот Виктор, что за мужик такой?» Сорок девять лет, с проплешиной на голове, небольшого роста, даже ниже Катьки без каблуков, но поджарый и крепкий. Волосы, оставшиеся на висках и затылке, всегда коротко подстрижены и немного топорщились в разные стороны, что придавало мужчине некую задорность и сбавляло возраст.

С Виктором Катька познакомилась больше полугода назад, когда активно искала любовника на сайте знакомств. Виктор сразу написал, что женат, что на особые ухаживания и романтики у него нет ни желания, ни времени и, что он готов просто платить деньги за секс. При этом никто никому ничем не обязан и встречаются они только по обоюдному желанию. Катька согласилась сразу. В то время она барахталась на такой мели, считая рубли на проезд в метро.

Каждая встреча с Виктором была фактически копией предыдущей. Они ужинали то, что Виктор покупал в “Азбуке Вкуса”, Катька пила виски или текилу, а Виктор только вино и много ел, как впрочем, и все евреи: много, быстро, что-то в процессе хваля, а что-то честно критикуя. После обильной трапезы и непринужденных диалогов, хотя больше монологов Виктора о книгах, о фильмах и его многочисленных поездках в горы, мужчина отправлял Катьку в ванную, затем быстро ополаскивался сам, и они проходили в спальню. Катька всегда думала в эти моменты: «О, небо! Он когда-нибудь сменит место для секса?! Такая огромная квартира! И нет! Все время в спальне!»

Но Виктор ничего не менял. Даже секс был в одних и тех же позах, без особых затей и каких-либо усилий с его и с ее стороны. Такой спокойный, правильный, красивый секс и очень скучный для Катьки. «Я вообще не понимаю! – часто возмущалась Катька Вере – Зачем я ему? Так он может успешно трахать резиновую куклу, да к тому же ничего ей

не платя!»

Но это все ерунда, секс не особо напрягал Катюку в отношениях с Виктором. Напрягало другое, и порой довольно жестко било по самолюбию и самооценке девушки. Виктор совершенно не умел или не хотел ее слушать. Всегда говорил только он, и если Катюке удавалось что-то вставить или она порывалась высказать свое мнение, мужчина беспардонно ее перебивал и продолжал говорить, причем говорил Виктор настолько быстро, что Катюка половины слов, а иногда и больше не могла разобрать, то ли он прожевывал гласные, то ли слишком свистел в согласных, заваривая такую словесную кашу, похожую на овсянку со слизью. Катюка даже порой терялась, какой вопрос ей задать, чтобы продолжить беседу, потому что она не расслышала предыдущего спича.

«Нет, я, конечно, понимаю, что я не для бесед приезжаю, Вер, но он же говорит, и много! – возмущалась девушка Вере – Какие-то рамки разговорного этикета, не знаю, какое-то чувство такта должно присутствовать в конце концов!»

Такси ровно ехало по ночной, уже довольно прохладной, осенней Москве. Девушка любила Москву. Она благоволила перед ней. Москва для Катюки в эту дождливую листопадную ночь явилась Моникой Белуччи. Красивая, статная, зрелая и совершенно не стареющая. Моника-Москва изредка поглядывала на Катюку с высоты своей звездности и красоты, снисходительно улыбаясь лишь уголками большого чувственного рта. Такой столицу видела девушка в этот момент.

– О! Ну что приехала, проститня! – буркнула с порога Вера из темноты квартиры.

– Да, приехала, канеш. Ты чего не спишь?

– Да, не могу! Хожу курю, уже всю пачку выкурила, гоняю, – сипло ответила Вера.

– Понятно. Тебе сколько, пять хватит?

– Ага. Спасибочки.

– Вот, кладу на стол, надеюсь не побрезгуете, мадам, чисто заработанным телесным трудом? – улыбаясь, парировала подруга.

– Да, ладно, дурочка! Еще обидься! Эх, я бы так сейчас сексанула, мужика полгода не было, уже забыла вообще, что такое секс.

– Ой, Вера! Если ты немного подвинешь свои перфекционистические замашки в свои тидцать восемь лет уходящей драгоценной молодости, то и на твоей заросшей тропинке возьмет да и вырастет грибок, а может даже не один! – расхохоталась Катька.

– Так! Если тебе опять не дали сказать ни слова, не нужно сейчас на меня обрушивать ушат своей филологической ущемленности! – подкалывая подругу, пробурчала Вера.

– Охохо! Ну пусть лучше будет филологическая, чем физическая! Цвету вон, как роза, больше двадцати семи не дают! – продолжала шуточную перепалку Катька, укладываясь спать рядом.

– Спокойной ночи, роза! – прохрипела Вера и накрылась с головой одеялом.

Глава 2

Виктор задернул занавеску, убедившись, что Катя села в такси. – «Красивая девка, и не дура вроде... А на подобные отношения согласилась.»

Когда Виктор впервые увидел Катю, он даже немного оторопел. Среднего роста, статная, с высокой полной грудью четвертого размера, с шикарными выющимися густыми волосами и большими миндалевидными серо-зелеными глазами. Катя была на высоких каблуках и смотрела на Виктора сверху вниз. «Блин, прямо на мою зальсину!» – всегда в таких случаях сокрушался мужчина. Но через некоторое время Виктор понял, что девушка «совершенно не в теме», явно стесняется, опускает взгляд, покраснелась, да и сумочка дешевая. «Ну понятно, должна на десятку согласиться». На всякий случай в теме разговора он погонял ее по брендам, убедился, что приезжая красавица ни в чем не разбирается, и совершенно забыл о своем росте в метр пятьдесят семь и зальсине.

«Эх! Софья просила купить ей Шекспира на английском в подарочном варианте! – схватился Виктор. – Надо будет завтра заехать. И еще узнать, что там с Камчаткой, сколько человек набралось. Надеюсь, не все нищеебы, как в прошлый раз. Специально прилетаем кататься, солнечные дни на вес золота, а у них денег только на четыре дня. Тьфу!»

Виктор уже более десяти лет профессионально увлекался сноубордом, и это было не просто увлечение или хобби. Горы, снег, скорость стали для него весомой частью жизни, той частью, без которой мужчина уже не мог. Виктор объездил и обкатал почти все горнолыжные курорты мира, но особенно ему полюбилась Камчатка. Там на гору их поднимал вертолет, с вершины которой открывался потрясающий вид на ослепительно белые снежные шубы гор и синий до рези в глазах Тихий океан. Группа спускалась, вертолет к тому времени уже ждал внизу, и они снова взлетали на вершину. И так по шесть-восемь раз в день, в зависимости от погоды. Камчатка была туром не из дешевых. Во-первых, перелеты, во-вторых, аренда вертолета, поэтому Виктор переживал о том, какая группа наберется, он был человеком вполне обеспеченным, но даже ему арендовать самолет только для себя было накладно. Летал мужчина туда ранней весной в основном с друзьями, а в последнее время стал брать и Софью, так как дочь потихоньку становилась объектом его отцовской гордости. Софья достаточно не дурно каталась, знала в совершенстве английский и иврит и должна была блестяще закончить школу. В Израиле жила вся семья Виктора, восьмидесятипятилетняя мать-еврейка, девяностолетний отец-латыш, жена, Софья и бесчисленное количество родни на седьмом киселе.

Но не только сноубордом горел Виктор, в летнее время, когда для большинства гор не сезон, он также успешно катался на вейке, играл в теннис, новомодный сквош и прыгал

на батуте под чутким руководством титулованного акробата из «Дю Солей».

«А должен я завтра прыгнуть этот прыжок! – хитро заулыбался Виктор своей кошачьей улыбкой. – Хорошо мы так сегодня с Катей позанимались, я прям слился полностью. Да с ее сиськами всегда все до последней. Эх, кончаю, правда, что-то быстро. Но фиг с ним, не Юля же Михалкова».

Юля Михалкова из «Уральских пельменей» была для Виктора «женщиной в голубом». Однажды он увидел ее на одном горнолыжном курорте и влюбился. Восхитился ее красотой, которая ни капельки не уступала телевизионной, позавидовал черной завистью ее мужику и не раз тогда вспомнил, что он метр пятьдесят семь с залысиной.

Глава 3

Эдуард летел рейсом Москва – Шанхай в этот раз эконом-классом, так как цена на бизнес в связи с курсом евро была просто заоблачной. «Ахаха! – про себя усмехнулся мужчина слову заоблачной по отношению к билетам. – Ну верно, я же сейчас за облаками, какой же ей, цене, еще быть!» Эдуард достал карманное зеркальце из стильной кожаной косметички и стал рассматривать свой покрасневший глаз. «Ну, вот как всегда! Стоит понервничать, сразу лопаются сосуды в правом глазу!» – зарычал мужчина, да и родимое пятно, расположившееся от переносицы почти до середины щеки, неприятно потемнело.

В связи с курсом евро подорожали не только билеты, но и комплектующие для его мебельной фабрики в Китае, об этом мужчина думал сейчас. О евро, о покупке новой более дешевой древесины, о возможной реструктуризации компании и о Сергее, его управляющем уже на протяжении последних семи лет. За несколько дней до командировки ему положили на стол документы, свидетельствующие о том, что Сергей ведет двойную игру прямо у него за спиной. «Блядь! Да почему так! Не может быть! Сергей – это же моя правая рука, это друг, это человек, который меня понимает как никто другой! Если верить бумагам, то получается, что Сергей фактически создал вторую компанию на базе моей фабрики,

получается, что он, как паразит, все это время высасывал соки из самого дорогого и долгожданного моего детища, чтобы взрастить своего выродка... Так, либо кто-то со стороны хочет подставить Сергея, либо Сергей на самом деле меня предал. С этим надо будет разобраться, кое-какие моменты уточню по прилету в офисе в Шанхае, а основное уже оставлю на Москву».

Эдуард откинулся в кресле и не ощутил приятного погружения в широкое и глубокое кресло бизнес-класса. «О, черт, и здесь подставка! Заказать виски что ли?» – подумал мужчина, провожая пристальным пронизывающим даже сквозь спину взглядом карих глаз стюардессу. «Ладно, не буду, не заслужил. Какого хрена виски, если человека под собой не вижу, где моя прозорливость и выработанный с годами навык в два счета раскусывать людей. Где это все?! Старею что ли, глаз уже не тот, замыливается...» На слове замыливается мужчина опять усмехнулся, вспомнив про лопнувшие сосуды. «Не замыливается, а заливается кровью... Хм... А что если Сергей меня подставил, и это я докажу... – все не успокаивался Эдуард. – Что делать дальше? Просто так Сергея не уберешь, слишком много знает, да и умеет, грамотен и профессионален, сучара... На данный момент основные рычаги управления компанией у него, потому что кто-то, блядь, расслабился, доверился как прыщавая школьница! Ну ладно, и не в такие игры играли».

Спускаясь с трапа, Эдуард включил телефон, тут же посыпались сообщения о поступавших звонках, и мелодично запиликал вотсап. Писала Катя: «Привет...странно как-то ты мне сегодня приснился...с обожженной багровой спиной...У тебя все хорошо?»»

Глава 4

Катька бежала на работу и как всегда опаздывала, но несмотря на то, что шла уже двадцатая минута ее рабочего времени, девушка завернула в кафе купить неизменный стаканчик двойного эспрессо со сливками и какую-нибудь сладкую штучку. Катька вообще любила пожрать. Гурманшей была еще той, поэтому и деньги у нее не задерживались, сколько бы она ни зарабатывала, ей все равно не хватало. Девушка очень любила маленькие, уютные, похожие на парижские кафе, ресторанчики, с красивым интерьером, видом из окон или террасой.

Девушку тянули подобные места и четвертую часть своего дохода она отдавала именно им. А так как доход у Катьки был «особо не пошикуешь», или как любила резюмировать Вера, что Катька живет «не по средствам», то последнюю неделю перед зарплатой девушка сидела на яблоках, и обед ее составлял бутерброд из «Ашана» за пятьдесят два рубля. А бутерброд, кстати, был прекрасный: с приличным кусочком курицы, кружочком свежего помидора, листочком салата и ломтиком сыра.

– Карина, привет! Айм соу соу сори! Так опять долго ехала! Так долго стояли поезда в туннелях! Представляешь, даже в метро уже пробки! – живо и с улыбкой произнесла Кать-

ка, залетая в офис.

– Привет! – еле выдавила из себя коллега.

«Понятно, опять не в духе. – сокрушилась Катька. – Вообще, как можно быть таким тяжелым человеком? Вот глыба сидит, настоящая гранитная глыба».

Хотя с виду Карина совершенно не была похожа на глыбу. Маленького роста, худая, морщинистая, тридцатисемилетняя девушка. Карина была замужем, жили они с мужем и сыном в достатке. Также коллега имела неплохой тыл из папы-полковника и мамы-бухгалтера мясного комбината. Карина была все время чем-то недовольна, больше молчала: молча делала свою работу с бумажками и отчетными документами, втихую, под офисную суету, находила рабочих для ремонта новой квартиры, успевая заказывать все то многочисленное, что нужно для ремонта, начиная от шурупов, гаек и направляющих и заканчивая техникой и мебелью, лишь изредка созваниваясь с мужем, согласовать цену. Катька наблюдала за Кариной, за ее жизнью и три вопроса не давали ей покоя. «Первый вопрос – почему она с такими родителями работает на такой скучной, бесперспективной работе, второй – как она может ничего за день не жрать?» Карина вообще ничего не ела весь день, только пила чай и раз в два часа выходила курить, все остальное время девушка сидела, уткнувшись в компьютер. Катька бы сдохла. И третий вопрос, который больше всего буравил катькин мозг: «Почему Карина не красит свои седые волосы. Неужели она их не видит? Они

уже достаточно отросли и, как лески, как прочные рыбацкие лески, выбивались из русских прядей девушки». Больше вопросов к коллеге у Катьки не было.

Сама же Катька на своей работе «отбивала срок», так она это называла. Катька занималась продажами корпоративного такси для сотрудников и клиентов различных компаний. Ее задача, впрочем, как любого менеджера по продажам – привлечь клиента и заключить с ним договор. Катька работала в продажах с различными ответвлениями уже более десяти лет и терпеть уже все эти продажи не могла. Она знала от первого до последнего шага пресловутые законы продаж, хорошо разбиралась в психологии людей, в их психотипах. Знала, что на то, чтобы быть в новой компании как рыба в воде ей нужно три месяца, этот срок был очень точным, именно на третий месяц она выходила на результат, на пятом добивалась успеха, а на девятом ей становилось скучно. Одни и те же звонки, одни и те же продукты, один и тот же кейс, одна и та же проверенная интонация на нужных словах и одни и те же слова-крючки, на которые цепляется рыбка по другую сторону трубки.

Но в этой компании Катька еще держалась по трем причинам: первая причина – у нее было достаточное количество встреч, на которые она добиралась не на метро, а на их довольно сносном такси, к тому же встречи для Катьки были интересны, потому что на них она знакомилась с разными людьми. Вторая причина вытекала, собственно, из первой,

одна встреча в Москве занимала полдня, целую половину дня ты на воле, а не в тюремной камере с компьютером и телефонами.

Катьке нравилось встречаться с людьми, слушать их, наблюдать за ними, разгадывать их. Девушка одновременно представляла какие эти люди в жизни, в сексе, в быту и ей очень хотелось узнать – права ли она, не ошиблась ли? В эти моменты Катька очень сожалела, что нет у нее в сумке того заветного сборника задач с правильными ответами в конце. И еще, конечно же, Катька любила говорить, она упивалась своим красивым голосом и правильным, сложным русским языком. Вот уж где она могла выгулять свою филологическую ущемленность и не востребованность на всю катушку.

И третья, основная причина «не бегства» из этой абсолютно не престижной, не громкой, не перспективной, не пафосной, не наукоемкой компании то, что Катьку никто не доебывал в самом прекрасном смысле этого слова. Катька была предоставлена сама себе, ни зачастую бесполезных многочасовых, выносящих мозг из-за самодурства директора или коллег, планерок, ни доскональной системы контроля рабочего дня, ни отчетов о проделанной работе, которые обычно никто не читает. У Катьки был только план, сколько денег она должна принести, если Катька его выполняла, она получала порядка семидесяти пяти – восьмидесяти тысяч. Но на следующий месяц план ставили выше, почти на сто процентов, Катька его не выполняла и получала пятьдесят, на дру-

гой месяц план опять снижали, боясь, что Катька уйдет, план выполнялся, а на следующий месяц его вновь повышали, видимо, беспокоясь, чтобы сотрудница не надела корону и не поехала сыром по маслу на семьдесят пять-то тысяч рублей в Москве, живя на съемной квартире. Но такая синусоида плана и зарплаты и «недоеб» руководства Катьку вполне устраивали, это было гораздо лучше, чем первое время ее пребывания в столице, когда она за два месяца получила двадцать пять тысяч рублей и немного пошатнувшуюся нервную систему. Моники Белуччи тогда еще не было и в помине. Тогда Москва жила своей роскошной и сытой энергией миллионов жизнью, закутавшись потеплее в меха, так как наступил декабрь. Москва ездила в каретах, запряженных сильными красивыми рысаками, изредка бросая на Катьку комья снега из-под колес и распахивая порывами ветра тонкое весеннее пальто с проженной подкладкой.

Глава 5

Катька познакомилась с Верой еще будучи студенткой филологического факультета, окрестившегося как факультет «одиноких девиц». Девушка училась на пятом курсе и пришла за первым, после официантки, заработком в казино, каким-то чудом закончив курсы крупье. Вера работала на тот момент в казино кассиром. Катька хорошо помнила их первую встречу с Верой, которой на тот момент было лет двадцать шесть. Стройная длинноногая блондинка сидела на высоком стуле у бара, хотя по регламенту не должна была выходить из кассы вообще. Вера сидела на высоком крутящемся стуле, гордо вытянув одну ногу, а вторую подогнув под попу, курила и громко смеялась, даже не смеялась, а ржала. Вера была красивой, острой на слово и очень независимой, ей было абсолютно все равно, что о ней подумают и что с ней будет дальше, по сути ей было все по хрену.

Катька проходила через бар в стаф, чтобы переодеться, и Вера, окинув ее взглядом, достаточно громко произнесла: «Ого! Какие сиськи! Хорошие, блин!»

Катька, тогда еще скромная медалистка и вот-вот без года полноценный учитель русского языка и литературы, очень смутилась, подумав: «Что за пошлая девица у бара, какой ужас!» Она старалась избегать Веры, Катьку раздражал ее громкий смех, грубый голос с хрипотцой, и девушка немного

боялась Веры, потому что не знала, как на нее реагировать. Но однажды разгневанный проигрышами игрок на рулетке, плеснул на Катьку горячий чай, еще дымящийся, только что принесенный официанткой, со словами: «Иди отсюда, сука, пока я тебя вообще здесь не поджег!» Катька схватилась за обожженное место, подскочили охранники и менеджер зала, схватили и увели девушку в стаф. Игрока не тронули, потому что крыша игрока была сильнее крыши владельца казино, только менеджер тихо и, как бы извиняясь, бросил:

– Карен, давай полегче.

– Нет, ну а чо она, сука, тварюга, сотку за двадцать минут! Ты видел, Валера?! Ты видел?! Я восемь обкладываю, а она, сука, двадцать три, я три раза на черное, а она три раза красное! Я тебе говорил убирай эту тварь!

В стафе все склонились над Катькой с расспросами что случилось. Девушка редела белугой и ничего не могла сказать, но редела она не от боли, а больше от обиды, от несправедливости. И тут ворвалась Вера с пакетом льда и полотенцем, одним движением она стянула с Катьки облитую чаем блузку и приложила полотенце со льдом к ожогу. – На, держи вот так! Не реви, сама же видишь, что придурок, здесь все такие. – успокаивала Вера Катьку. – Сиди так пока, я сейчас.

Через пять минут Вера ворвалась в стаф с чистой белой блузкой и бокалом коньяка.

– На, выпей! Легче станет! Эй, челядь, дайте шоколад-

ку кто-нибудь или сока стакан! – обратилась Вера к ребятам-крупье, таким же студентам как и Катька. Со всех сторон посунулись пестрые шоколадки, кто-то протягивал сок.

Катька отпила глоток и закусила первым попавшимся кусочком шоколадки. Приятное ароматное тепло стало разливаться по телу, неся с собой успокоение и мир, нежно окутывая янтарной пахучей вуалью красные оголенные нервы.

– Коньяк?! После кипятка? – спокойно и с улыбкой как бы уточнила Ольга, самая старшая и опытная из крупье, только что вошедшая в стаф после смены. – Детка, так нельзя, тебе сейчас надо минимум два стакана воды и только воды.

– Оля, хорош! – встряла Вера. – Ты что не видишь? Книжные советы оставь деканам своей медакадемии.

– Хорошо, я поняла – так же спокойно ответила степенная Ольга, осматривая обожженное место – Кать, купи тогда себе «Пантенол» или «Мефенат», смазывай утром и вечером, за три дня все снимет. До свадьбы заживет. – договорила Ольга и расплылась в широкой белозубой улыбке. Никто тогда еще не знал, что до Катькиной свадьбы было ой как далеко, что Ольга, закончив медакадемию провинциального городка, отправится покорять Москву, поступит в аспирантуру, будет работать официанткой в «Му-му», а через десять лет станет доктором наук, ведущим кардиологом столицы и будет слушать сердечко самого Владимира Владимировича. Никто ничего не знал, и в маленьком прокуренном стафе продолжилась своя маленькая жизнь: у кого из книжек

и чая, у кого из нард и шахмат, а кого-то из сна урывками.

Глава 6

Вера хотела стать актрисой. Яркой, взбалмошной, дурной, но безгранично талантливой и красивой. В школе и затем в медицинском училище, которое она закончила с горем пополам на шестом месяце беременности, Вера была звездой. Высокая яркая блондинка играла красавиц и роковых женщин в доморощенных спектаклях, активно участвовала в студенческой жизни и направо и налево разбивала мужские сердца. Потом залетела от двадцатилетнего зубного техника.

– Да потому что дура была, Кать! Дура дурой! Смотреть нужно было немного и на наследственность тоже, у него отец алкаш, дед алкаш. Три года с ним промучилась, сколько слез я с ним пролила, целое море! Поэтому Андрей у меня такой нервный, потому что всю беременность за этим алкоголиком пробегала. Говорила мне мать: «Делай аборт!» Не знаю... Я, конечно, люблю Андрюшку, но в тот момент мне ребенок совсем не нужен был, тем более от такого папаши.

Отсидев год в декрете, Вера устроилась медсестрой в гинекологическое отделение, работала там по сменам, работала в казино и еще подрабатывала массажисткой. Жили они втроем, с мамой и малышом, потому что от отца алкоголика, да еще и гулящего, Верка ушла. Денег лишних в семье не водилось, помощи никакой не было, нужно было надеяться только на себя.

Когда выдавались свободная минутка на дежурстве в больнице или спокойная ночь в казино, Вера читала. Но хороший вкус к литературе девушке никто не привил, поэтому читала она все подряд: все что попадетя под руку, что похвалят, что посоветуют в книжном магазине. Однажды Вера поймала округлившийся взгляд Катьки, когда та увидела у нее в руках потрепанную книжку Донцовой, Катька инстинктивно поморщилась, но ничего не сказала. Вера запомнила этот взгляд и стала присматриваться к тому, что читают крупье во время отдыха. Вера любила «крупьешек» или «челядь», так она их ласково называла, потому что в основной своей массе это были очень смышленные и добрые ребята. В стафе постоянно писали и читали многие, в основном предметную литературу университетов. Ольга всегда царственно занимала несколько стульев или половину дивана, разложив многочисленные конспекты и учебники анатомии. Катька со своей подружкой Юлькой читали какие-то толстые книги с неизвестными для Веры авторами: Пикуль, Рождественский, Шаламов, Вульф, Гессе, Кафка.

– Кать, а ты дочитала уже Гессе? «Игра в бисер», кажется... – буркнула Вера, заглянув одной головой в стаф.

– Да, а что? – искренно удивилась Катька.

– Я хотела попросить ...почитать – впервые стушевалась и даже покраснела Вера.

– Гессе? – вмешалась Юлька. – Вера, побереги свой мозг!

Это же изнасилование, самое настоящее!

– Я поддерживаю, правда... Я его читаю, потому что мне нужно по программе, мне его сдавать. А тебе вообще зачем? Ну если только ты не страдаешь бессоницей. Ты знаешь сколько я с этим Гессе штрафов за сон нахватала? – Катька улыбнулась, с интересом смотря на Веру.

– Аааа... Ну это... Я пойду тогда, – шепелявя произнесла Вера и актерски клюнула носом. Девушки расхохотались, оценив шутку.

– Вера, Вер, подожди! – крикнула Катька. – Давай я принесу тебе «Записки врача» Булгакова, или «Хмель» Черкасова тоже интересная книга.

– «Гроздь гнева» Стейнбека, Пикуля вообще всего можно, Кен Кизи «Над кукушкиным гнездом»... Ммм... Что еще? Акунина тоже всего, если не читала. Кать, у тебя же есть все эти книги! – ворвалась Юлька.

– Да, точно, Вер! Я тебе принесу, но только не Гессе!

С этого времени Вера стала читать только то, что ей давали Катька с Юлькой. Вера читала запоем, уносясь мыслями в жизнь героев, кому-то искренно сочувствуя, кого-то не понимая, а кого-то ненавидя. Задерживаясь на женских персонажах, Вера вздыхала, лелея свое очень глубокое и очень интимное желание их когда-нибудь сыграть. Девушка даже заучивала некоторые куски из теста и мысленно от лица героини их проговаривала. Вера настолько порой вживалась в роль, не замечая, что ей уже всю стучали фишками по

окошку кассы. Однажды она застыла в баре, смотря в упор на холодильник, и совершенно не реагируя на вопрос официантки Наташки. Девушка смотрела одновременно вперед и одновременно в никуда, один ее темно-карий глаз немного уехал в сторону.

– Вера, ты что, блин, холодильник?! – уже со злостью вскрикнула Наташка. И так Вера стала «Верой-холодильник», потому что эту Веркину деталь «уходить из реальности» к тому времени подметили многие.

Спустя несколько лет, Вера переучилась на операционную медсестру и переехала в Москву, работать и поступать в театральное. Вере исполнилось тридцать.

Глава 7

Эдуард открыл бутылку виски и, раскинувшись в кресле, ждал Катю. Было уже двенадцать. «Ну что за женщина! Постоянно опаздывает... Интересно, как сегодня сложится наша встреча, я опять буду полночи говорить ... Или все-таки выебу хорошенько, так чтобы она все залила мне здесь, чтобы мокрая и скользкая была и внутри и снаружи... Ах, сучка... Красивая, похотливая, кончающая сучка!»

Наконец-то, в дверь тихо постучали. Катя вошла чему-то улыбаясь.

– Привет! Как ты? – Эдуард приобнял девушку и нежно коснулся щеки. – Прекрасно выглядишь. – сказал мужчина, любуясь облегающим, чуть ниже колен платьем персикового цвета.

– Спасибо и ты хорош! Красивая рубашка, тебе идет, – оценила по достоинству рубашку от Pal Zileri Катя, совершенно не подозревая о бренде и ее стоимости.

– Да, сам доволен... Я очень долго учился правильно подбирать рубашки... Ты знаешь, ведь это целая наука. Когда я встречаюсь с партнерами по бизнесу, я всегда смотрю на рубашку, если она сидит идеально, я буду работать с этим человеком, если нет, то настожусь. – как всегда четко и уверенно начал говорить Эдуард, проходя на кухню.

– Ну а если человек не заморожен так как ты на внешнем?

Если для него не очень важно, как он выглядит, но важен процесс, дело, результат.

– Значит, мы с ним не сработаемся. Мне нужны детальные партнеры, в бизнесе много нюансов и на них нельзя закрывать глаза, отмахиваться от них. Детальные люди детальные во всем. – Эдуард разлил виски по бокалам, – я купил твои любимые яблоки и чернику. А может хочешь перекусить, есть сыр и хамон?

– Нет, спасибо, я не голодна... по крайней мере сейчас – девушка заговорщески улыбнулась.

– Понятно, ладно, потом достану. Давай за встречу! – мужчина улыбнулся и поднял бокал. – Как твое дело продвигается, есть успехи?

– Ты знаешь и есть и нет, я вроде бы делаю, ну стараюсь делать, по мере возможности какая у меня сейчас есть, но увы, с внешней стороны я стою на месте.

– Это нормально, главное делай, хоть что-то, хоть самую малость. Помнишь, я тебе говорил: очень часто, чтобы человеку достичь своей вершины, он должен упасть, упасть на самое дно и оттуда уже, раскручиваясь по спирали от стержня, который ему дается при падении, он добирается до цели. Из бедности и долгов к богатству и щедрости, от безызвестности и забвения к славе и почету, от болезни и слабости к здоровью и энергии. Только важно идти к своей вершине, важно идти и важно к своей, понимаешь...

Катька все помнила, она ловила каждое слово Эдуарда, каждую эмоцию, ей был очень интересен этот человек. Эдуард был по-своему уникален и своеобразен, до знакомства с ним, девушка подобных мужчин не встречала, и он никак не влезал и совершенно не подтачивался в ее уже годами отработанную и проверенную систему мужских типажей. Не шаблонные, не системные люди, но вместе с тем, это было очень важным для Катьки, сильные, стержневые и интеллектуальные личности манили девушку, ей всегда хотелось залезть в них поглубже и разложить на составляющие, на понятные логичные элементы. Зачастую элементы оказывались не совсем логичными и понятными для Катьки, потому что всегда вокруг личности есть много «но» и много того, что оказывает влияние из внешней среды. Не смотря на нюансы Катьке все равно хотелось все раз-ло-жить, раз-ложить и понять, чтобы в дальнейшем она могла предвидеть их мысли, а значит поступки. Катька была подобна ученому – химику, открывшему новое соединение. И это соединение его маниакально влечет, ученый скорее хочет раскрыть, разгадать его, разложить на атомы, чтобы в конце узнать, как и с чем это соединение будет реагировать.

Хорошо, что Эдуард с самого начала, когда они сидели за столиком в кафе, только познакомившись, сказал правду. Эта правда, конечно, царапнула Катьку, но она ее приняла, запомнила и как неудобный, но необходимый чемодан всегда

несла через все отношения с мужчиной.

– Кать, я не хочу, чтобы между нами было недопонимание, недосказанность, либо еще хуже какие-то обиды. Мне не нужна жена, я уже был женат шестнадцать лет, у меня взрослая дочь, мне не нужна любовница, мне не нужны эмоции, страсти, скандалы, слезы. Я уже через все это не раз проходил, и сыт всем этим достаточно. Это первая причина. Вторая причина, из-за которой я не хочу подобного огня – это маски. Когда человек заходит в область чувственного, оба становятся зависимыми, и редко кому при этой зависимости удается сохранить себя, свои настоящие мысли, желания и уж тем более способность их выражать. И мы надеваем маски. У нас с женой их были тысячи. Я не хочу больше масок, так как они чудовищно затратны энергетически и нужно постоянно все помнить, а память у меня в последнее время ни к черту.

Катька сделала глоток горячего глинтвейна из трубочки и произнесла.

– Ну хорошо... Я поняла тебя.

– Прекрасно! – заметно оживился мужчина, блеснув глубокими карими глазами – Свободна ли ты вечером в среду?

– Ну в общем да, до семи на работе, только тренировка вечером.

– Тренировку можешь перенести, в ближайшие три дня она тебе не понадобится. Так, ты на Баррикадной... Ага, доедешь до Добрынинской, выйдешь к Люсиновскому переул-

ку, я тебя оттуда заберу.

Катька ехала в метро и дрожала от страха. Такое с ней было впервые, обычно дрожали мужчины, особенно перед сексом, девушка в такие моменты тихо улыбалась и гладила их волосы, как бы невзначай касаясь возбужденными сосками полной груди предплечья, шеи мужчины. Катька уже три раза проезжала Добрынинскую, выходила из вагона и садилась в обратную сторону. Один голос твердил зачем ей все это нужно, а второй заявлял, что такого опыта у нее еще не было, что надо пробовать, тем более, что давно хотела. Но истошнее всех вопил третий, голос химика, которому был интересен сам Эдуард.

– Хорош кататься уже, что как дурочка! – кричали голоса – Девочка что ли пяти лет, карусель здесь устроила!

– Я ... Я не знаю... Правильно ли... Нужно ли? – виновато оправдывалась девушка.

– Если не нужно, не еби мозг тогда, садись и езжай домой к Верке, она тебя ждет как всегда с рассказом о Михалыче, вы опять поржете, обсудите какие все мужики дегенераты и ляжете спать. Давай вали домой, тряпка!

Не успела Катька выйти из метро, как посыпались смски о звонках Эдуарда и через секунду зазвонил телефон.

– Привет, ты где вообще? Написала, что зашла в метро еще сорок минут назад! Здесь ехать от силы двадцать! – возбужденно говорил Эдуард.

– Я... я... Замешкалась – «Что я несу?» – подумала Катька.

– Ладно... Замешкалась она. Выходи, я стою здесь мигаю. Лексус, черный, три, четыре, семь, если забыла.

Катька, естественно, забыла, она вообще не запоминала марок, моделей, цифр, это не входило в ее систему координат. Эдуард это понял с самого начала и всегда опережал Катьку ответом.

– Я не спросил, что ты пьешь, поэтому взял коньяк, вино белое, на свой вкус, правда. Еще есть хороший виски, – спокойно говорил Эдуард, ведя машину.

– Виски подойдет – ответила Катька, пытаюсь хоть как-то унять дрожь в коленях.

– Ну прекрасно – улыбнулся мужчина и уверенно положил руку на колено девушки.

– Не бойся, я думаю, тебе понравится, я вижу это, моя интуиция, моя чуйка пока не подводили меня.

Эдуард помог Кате снять пальто, но девушка хотела его снять сама и быстро застегнуть, потому что у пальто была прожженна подкладка в одном месте. Пальто было Вериным, вполне приличное, Верка не скупилась на вещи, классическое серое, но с прожженной подкладкой. Мужчина взял пальто и, повесив на вешалку, убрал в шкаф.

Квартира Эдуарда состояла из двух этажей и была выдер-

жана в спокойных кремо-бежевых тонах хайтека совмещенного с удобством и уютом. На первом этаже находились кухня с гостиной, ванная с туалетом и спальня. Из гостиной на второй этаж вела деревянная лестница сразу во вторую спальню и еще одну комнату, из которой можно было выйти на открытый балкон с двумя плетеными креслами и небольшим стеклянным столиком.

– Присаживайся, давай немного выпьем, – отодвинув стул, Эдуард пригласил Катю к столу.

– Да, мне нужно, – призналась девушка, все еще волнуясь.

– Я вижу... Но это даже хорошо... Было бы странно, если бы ты не волновалась.

Мужчина легко и непринужденно вел беседу, периодически подливая Кате виски и застывая пронизывающим взглядом карих глаз.

– А себе? – спросила Катя, заметив, что последние два раза он наливал только ей.

– Нет, мне хватит. Алкоголь делает меня более агрессивным... Ты это почувствуешь на собственной попе, – вновь застыв на девушке, произнес Эдуард. – И я говорю это не буквально.

Катка вжалась в стул и впервые посмотрела Эдуарду прямо в глаза, как преданная собачонка на своего хозяина.

– Так, я тебя отправляю в ванну, большое бежевое полотенце – твое.

Девушка зашла в огромную очень светлую ванную комнату с пушистым белым ковром на полу. Ванная была совмещена с туалетом, и помимо душевой кабины, в ванной был унитаз и биде. Посмотрев на полки с туалетными принадлежностями, Катя улыбнулась. «О, ну хоть что-то совпавшее с ее системой из жизни упакованных мужчин за сорок. Несколько темно-синих тюбиков серии «Biotherm Homme» привычно занимали свои места, а также очень знакомый парфюм от Dior Homme и тоже частенько покупаемый мужчинами за сорок от YVES «La nuit de L'homme» с неудобной массивной крышкой. Какое-то время Катке приходилось вплотную заниматься маркетингом, и она задумалась, почему зрелые состоявшиеся мужчины покупают именно эти марки? Агрессивная реклама? Нет. Явные отличительные признаки, не сказала бы. Ну с Диор все понятно, но почему косметика именно «Биотерм»?»

Девушка ополоснулась и, завернувшись в полотенце, вышла в гостиную. На плечах и спине еще оставались капельки воды и локоны волос у шеи слегка намокли. Эдуард осмотрел Катю с ног до головы и произнес:

– Я могу тебя попросить совсем смыть косметику и забрать свои шикарные волосы в хвост? Извини, что не сказал этого сразу.

– Смыть косметику? – неприятно удивилась девушка.

– Да, совсем.

Катка, порывшись в сумочке, достала резинку, которая

была с ней всегда, потому что на работе ее постоянно раздражала кудрявая, живая шевелюра, и она собирала все волосы в творческую кукулюку на макушке. Катька вернулась в ванну и стала искать что-то более подходящее, чтобы умыться, а главное смыть тушь до конца, без страшных черных разводов под глазами. В итоге ничего не нашла, кроме мыла для рук, только оно было без характерной мужской отдушки. Катька очень долго терла глаза, что они стали красными, но все-равно не отмыла их как хотела, сожалея, что нет любимого двухфазного средства, которое одним движением убирает даже водостойкую тушь.

Забрав волосы в хвост, Катька вышла из ванной.

– Полотенце можешь бросить на кресло – довольно сказал Эдуард, стоящий в черном кожаном фартуке, длиною до колен, какие раньше носили кузнецы. Фартук был надет на голое тело, оставляя обнаженными спину, попу и подкаченные ноги мужчины.

Катька, бросив полотенце, остановилась посередине комнаты совершенно нагая и не накрашенная.

– Прекрасно! – неподдельно восхитился Эдуард, подойдя к девушке и сжав одну грудь ладонью, как бы измеряя объем. – Хорошие сиськи! А пизденка? Ну-ка, раздвинь пошире ноги! –скомандовал мужчина с новой для Катьки нотой металла в голосе. Девушка послушно раздвинула ноги, открыв для осмотра лобок с ровным подстриженным треугольничком волос и гладкие тщательно проэпилируемые половые гу-

бы. Эдуард опустил на корточки, плюнул на клитор, затем снова поднялся и, уверенно раздвинув половые губы, ввел палец во влагалище.

– Да, ты течешь уже, сучка! Ах, я видимо в тебе не ошибся! Ну сейчас мы тебя проверим! Хорошенько так попробуем во все дырочки!

Эдуард подошел к большому раскрытому чемодану, в котором были аккуратно разложены всевозможные штуки, относящиеся к так называемому направлению БДСМ.

О подобной своей страсти Эдуард написал Катьке сразу, в первом же сообщении на все том же сайте, на котором девушка немногим раньше познакомилась с Виктором.

– О! Ты поддался всеобщему поклонению пятидесяти оттенкам серого? – сыронизировала Катя в ответ на его сообщение.

– Нет! – резко ответил мужчина. – Меня просто бесит, когда так говорят, также дико раздражает книга, а фильм я даже не стал смотреть. БДСМ – это целая наука, целая философия... О мозге, теле, ощущениях, о том, можешь ли ты выпустить, открыть то самое сокровенное, что поселилось в тебе поле двадцати пяти-тридцати лет, а возможно жило с тобой с рождения. И мне смешно смотреть на домохозяйку или девочку восемнадцати лет, которые понесли в сексшопы покупать плетки и маски, при этом никто из них, еще ни разу в своей жизни не кончал. Это первое, и второе – кому они дадут эту самую плетку? Тому, кто также как и они, узнал

об этом от весьма посредственной Эрики Джеймс? Смешно. Тому, который понятия не имеет, где у женщины пресловутая точка G, и, дай бог, чтобы знал где клитор... Но печаль в том, что он и не стремится этого узнать.

Катке понравился ход мыслей Эдуарда, понравился потому, что совпадал с ее.

История каткиной сексуальности начиналась с двадцати пяти лет, именно в этом возрасте, она испытала свой первый настоящий оргазм, очень кратковременный и тихий, но это был именно он. Девушка шла к нему очень долго и расплакалась, когда, наконец-то, поняла в чем собственно фишка. Катка с самого детства была девочкой наблюдательной и детальной и совала свои красивые большие глазки и длинный носик порой туда, куда не следует. Потом Катка стала детальным подростком, и чуть себя не убила в тринадцать лет из-за дикой дисгармонии ее внутреннего мира и окружающей действительности. Но, на счастье, поступила в университет и благополучно свалила из глухой деревни с одним фонарем на одной единственной улице.

Охоту за оргазмом девушка начала со своего первого сексуального опыта в восемнадцать лет. Занимаясь любовью, она понимала что-то происходит не так как в книжках и фильмах, она видит закуляцию парня, но совершенно не наблюдает свою. Женский оргазм – что это? Что это вообще такое? Как его почувствовать? Что нужно делать? За несколь-

ко лет сменив несколько сексуальных партнеров Катька ни на сантиметр не приблизилась к решению мучивших ее вопросов. Ни смена мужчин, членов, поз, ни долгий куннилингус не давали ей ответа. Все было по-прежнему: Катька демонстративно стонала, превосходно имитируя оргазм, научилась якобы в самый пик сжимать мышцы влагалища, царапать спину в пылу наигранной страсти, тем самым пошло и дешево переигрывая, все дальше отдаляясь от заветного «шарика», так в последствии Катька будет называть свой оргазм. А мужчины, а мужчины были героями с ней, конечно, по пять раз за акт она так здорово кончает, мужчины мнили себя «мачоми» и, естественно, не пытались что-то узнать или сделать как-то по-другому.

Поначалу Катька расспрашивала подруг о том, как они получают оргазм и что это собственно такое, что они испытывают при этом. Но ответы были очень размытыми, неоднозначными: кто-то говорил, что это не описать, «понимаешь, мне просто хорошо и все», кто-то, что попадает в райский сад, где много цветов и поют птицы, а кто-то видел звезды во время оргазма. Когда Катька это рассказала Эдуарду, он ржал во весь голос и коротко подытожил:

– Какие на хуй звезды!

Вот и Катька думала, анализируя ответы подруг, что-то пахивает Даниэлой Стил. И почти уже забросила свою идею ИКС о достижении неуловимого и, наверно, несуществующего оргазма, пока ее однажды не спросила двоюрод-

ная сестра Даша.

– Кать, ты как вообще кончаешь?

– Я?... Ну как... Как все... Это же не описать, просто приятно и все. – сконфузилась Катька и залилась румянцем до шеи.

– Да... А я... А из меня течет все... Мы с Андреем даже полотенце под меня стелим, иначе простынь вся намокает... Мне так неловко, я стесняюсь этого... А Андрей говорит, что я ссусь. – также краснея произнесла Даша.

Катьку как кипятком обдало: «Значит он все-таки есть! Есть настоящий неподдельный женский оргазм! О, господи! Он есть!». Катька знала, что Дашка не врет, да и такое вряд ли вообще придумает. Значит надо искать, читать, смотреть, пробовать. В итоге Катька нашла книгу, в которой пошагово объяснялось, как женщине получить клиторальный оргазм. И девушка дотошно стала следовать инструкциям и в одно прекрасное воскресное утро, накрывшись простыней, чтобы не отвлекаться на внешнее, Катька его поймала, поймала свой «маленький горячий шарик», и первый раз в ее двадцать пять лет мышцы влагалища сжались не специально, а инстинктивно, и забилося сердечко. Катька плакала.

Эдуард подошел к девушке с кожаным корсетом в руках.

– Должен подойти. Ну – ка! – корсет закрывал только основную часть туловища, оставляя грудь обнаженной. Беря по очереди руки, а затем ноги, мужчина застегивал кожаные

ремни и последний пятый ремень закрепил на шее.

– Красотка! Иди посмотри на себя в зеркало! Потом я надену еще повязку на глаза, чтобы ты могла концентрироваться только на ощущениях. – хлопнув девушку по попе, Эдуард отправил ее смотреться к зеркалу. Катьке свое отражение представилось вызывающим и вульгарным, грудь свисала на корсет и казалась огромной, а ноги в ремнях массивными, как-то сразу стало заметно, что она их качает, особенно бедра.

– Итак, запомни простые правила. Ты не смеешь кончать без моего разрешения, ты его должна спросить и только потом можешь спускаться. После того как кончила, ты должна сказать «спасибо» или «благодарю». Поняла? Если что-то тебе представляет дискомфорт или боль говоришь «жарко». Запомнила?

– Да, запомнила, – ответила, теряясь, девушка. Главное запомнить слово «жарко». «Жарко, жарко, жарко». – твердила про себя Катька.

Это самое «жарко» за почти полтора часа насилия и оргазмов Катька произнесла всего три раза, причем первые два из-за неудобного крепления рук на планку, которая свешивалась с потолка, руки будто выворачивало и становилось очень больно, только тогда она позволила себе тихое «жарко».

– Что, что не так? – наклонясь, заботливо спросил Эдуард, в один миг перевоплотясь из жесткого трахальщика в неж-

ного любовника.

– Руки, руки больно!

– Ай, извини, сейчас перевяжу.

И последний раз, когда Эдуард за несколько секунд до своего первого оргазма долбил ее нещадно в промежность, девушка крикнула «жарко». Ее руки, скрученные и завязанные за головой, были пристегнуты к большому пуфику, ноги широко раздвинуты и пристегнуты так, что их невозможно было соединить и вообще как-то двигать ими. Эдуард сделал еще несколько толчков не сбавляя темпа и кончил рыча, как зверь, как зверь, поймавший свою добычу.

Через несколько секунд мужчина с нее слез, отпил глоток воды и стал развязывать жертву. Девушка была вся мокрая от пота, слюны, слез и того, что выливалось из ее влагалища при бурных оргазмах. Эдуард очень хорошо знал женское тело и умело им пользовался, будто музыкант, виртуозно играющий на своем инструменте. Попа Катьки горела от бесчисленных и довольно болезненных ударов плеткой и еще чем-то гладким, которые наносил ей мужчина за то, что она забывала спрашивать разрешения кончать, а также за то, что забывала благодарить за оргазм. Только под конец Катя освоила эти несложные правила, но слишком поздно, попа была избита и кровь уже разлилась синими лужицами под кожей.

– Ну как тебе? – спросил Эдуард, когда девушка вышла из ванной и осторожно присела на стул.

– Ох... Я думала, что будет более лайтовый вариант, –

призналась Катька – Но количество моих оргазмов закрывают мне рот на этом.

– Более лайтовый? – рассмеялся мужчина. – Ты хорошая сучка. Я не ошибся. А знаешь почему?

– Нет.

– Ну, во-первых, это глаза, яркие, жаждующие, пытливые, во-вторых, твое чувство юмора, вообще способность смеяться, понимать и реагировать на шутки, иронию. И в-третьих, деталь, которую я разглядел уже здесь, когда ты разделась – ямочки на пояснице, две четкие ямочки у основания позвоночника свидетельствуют о сексуальности и развитости женщины.

– Ах, вот как! Да ты просто эксперт по женщинам! – улыбнулась Катя.

– Да, не скрою, в меня многие влюбляются, особенно после первых оргазмов в своей жизни, а одну даже поместили в психиатрическую клинику... Но это грустная история.

«Ну этого можно было не говорить мне» – подумала девушка. – Иш как распетушился, влюбляются все в него».

– Ладно, давай выпьем... И я что-то проголодался.

– Давай.

Эдуард достал из холодильника несколько видов сыра, хамон в нарезке опять же от «Азбуки вкуса», Катька улыбнулась, про себя подметив, чтобы делали упакованные мужчины за сорок без этого супермаркета, наверно, умерли бы с голоду.

– Прости, но больше из еды ничего нет, я не питаюсь дома.

– О, сыра достаточно. И я тебя понимаю. – искренно ответила девушка.

– Я тоже ничего не готовлю, когда живу одна. В холодильнике только кофе, яблоки и пара йогуртов. Обедаю бизнес-ланчами, на ужин фрукты или йогурт. А вру, могу сожрать сладкое что-нибудь, вообще без него не могу.

– Ну по тебе не заметно, что ты сладкоежка... Быстрый обмен веществ.

– Да, наверное. – Девушка задумалась над точностью формулировки Эдуарда. «Быстрый обмен веществ» – часто говорил ей косметолог, смотря на ее вновь сжимающийся гармошкой лоб и бороздку-морщину в межбровке. Диспорт или ботокс на Катьке держались не больше двух месяцев вместо обещанных полугода.

– А зачем тебе такая большая квартира, с таким количеством комнат? – задала Катька, правда, интересующий ее вопрос. – Ты живешь все-таки не один?

– Нет, один. У меня иногда останавливается дочь, когда прилетает на каникулы из Лондона... И очень часто мне просто необходимо побыть в норе... Думать... Решать с чем не удалось разобраться на работе.

Ну точно рак, подумала Катька, всегда придававшая весомое значение знакам зодиака. Эгоистичный, детальный, скрупулезно строящий свою карьеру и не подпускающий к себе ни на йоту того, кто этой карьере в жизнь мог хоть как-

то помешать. Ищущий пару по себе, а лучше выше... Но любящий детей. Каткины и Веркины знакомые раки детей никогда не бросали, и даже после развода обеспечивали им и бывшим женам вполне безбедную жизнь.

– А почему расстались с женой? Она разве не была в тебя влюблена... Как все.

– Нет. – Эдуард понимающе улыбнулся в ответ на иронию Кати. – Мы с ней поженились рано, мне было двадцать три, а ей двадцать пять. Мы многое прошли и пережили, и у обоих столько скелетов в шкафу... И как я уже говорил масок... Я стал понимать, что живу не той жизнью какой хочу, говорю не те слова, совершаю не те поступки... Слишком много лжи... И с годами все это вылилось в огромный мыльный пузырь, который в конце концов лопнул.

– Странно... На тебя не похоже... Но вас, наверное, мирил секс? Поэтому еще так долго продержались.

Эдуард рассмеялся.

– Секс? Нет, ты что! Как раз наоборот! Секс был, по крайней мере для меня, решающим доводом расстаться... Я такое не выделял с женой... Я даже не признавался ей в этом... В своих желаниях. Я понимал, что она это не примет. Ей обычного секса со мной было много, она буквально бегала от меня, называла насильником и фашистом.

– Да ладно?

– Да, причем с возрастом моя тяга к бдсм становилась все явственнее и крепла, я все больше хотел именно жесткого

секса, хотел видеть покорность и подчинение в женщине. А она наоборот, к своим сорока стала независимой бизнес-леди, это очень тешило ее самолюбие, она этим гордилась... Кичилась, тем самым все больше отдаляясь от меня как женщина... Как самка.

– Да... Я понимаю... – задумалась о своем Катя.

Через полчаса Эдуард предложил заказать такси.

– Конечно. Ого, уже почти три! – девушка согласилась не подав виду, но внутри сжалась, будто ей на грудь кинули ежа. Нет, она знала, что Эдуард не оставит ее у себя, но всегда, когда мужчина предлагал вызвать такси, резко и остро царяло по самолюбию.

Такси подъехало, и Катя стала обуваться. Эдуард, облившись в шелковый халат, похожий расцветкой на кимоно, подал пальто, затем взял каткину сумочку и что-то туда быстро сунул.

– Я тебе положил на такси.

– А, хорошо, спасибо.

И только расплачиваясь с таксистом, девушка разглядела красную пятитысячную купюру.

Глава 8

Вера стояла у ворот ГИТИСа и украдкой курила. Сжимая тетрадки и распечатки с текстами в руках, девушка не решилась войти даже во двор, который был уже всюду полон пестрой, смеющейся, говорливой ребятней. А Вере в августе исполнилось тридцать. Девушка решила поступать в ГИТИС на актерский факультет, решила это втайне от всех и если поступит, то тоже никому ничего не скажет, будет работать в ночь медсестрой, а днем учиться. Практически все лето Вера готовилась, подбирала басни, стихи, прозу, учила русский язык, зубрила тексты, просматривала фильмы с «корифеями» советской актерской школы, как и характерно сильным львам, работы не боялась и подошла к поступлению очень ответственно. Всю неделю перед экзаменами ей снились герои до оскомины заученных произведений: Тришка со своим кафтаном из басни Крылова, Лев Николаевич Толстой почему-то танцующий на балу с Наташей Ростовской, самоубийство Есенина, и в голове постоянно кружился отрывок Есенина:

«И навстречу испуганной маме
Я цедил сквозь кровавый рот:
"Ничего! Я споткнулся о камень,
Это к завтраму все заживет».

И в этот момент Вера вспоминала сына Андрюшку, который остался с мамой в Астрахани. Девушка докурила, резко бросила окурок на тротуар и уверенно пошла прочь. Вера ушла как лев, как сильный и гордый лев, который не терпит поражений. Вера не стала сражаться в бою, где ее победа была сомнительной, спорной. Она уступила свою саванну более молодым и сильным, более уверенным и наглым, потому что поражение для льва было страшнее, оно бы его убило.

Пройдет время, и Катька скажет ей, что она струсила, струсила перед самым последним моментом, когда оставался всего лишь шаг к ее заветной мечте, к тому, чем она жила и дышала последние двадцать лет.

– Ты же знаешь, что судьба подобного не прощает, Вера! Поэтому ты и не замужем до сих пор! Ни денег, ни мужика, ни детей... Ты же еще хочешь детей! И что так и будешь работать операционной сестрой? Вера?! Ведь это мелко для тебя! Ты же большая рыба! – жестоко резюмировала подруга, когда Вере исполнилось уже тридцать девять.

– А у тебя можно подумать все есть ... – буркнула подруга.

– У меня нет. Потому что тоже не на своем пути. Но я иду, Вер, я не сдаюсь, я верю...

– А я нет. Кать, мне сорок, мне ебаные сорок лет. Жизнь позади. Нет сил, нет уверенности, нет веры, нет желания. – Верка отвернулась и украдкой коснулась уголка глаза.

«Она плачет что ли? – испугалась Катька неожиданной ре-

акции подруги. – Вера плачет?!»

Глава 9

То, что огромная и в высоту, и в ширину сумка была на колесиках, Катьку совершенно не спасало. Сумка была китайская, уже рвалась кое-где, а колесики прокручивались. Девушку заносило из стороны в сторону, пару раз она даже чуть не упала, так как за ночь подморозило, и дорога была очень скользкой. Помимо тяжелой сумки с продуктами Катька тащила еще одну поменьше, и добавочным бонусом, перекинутым через плечо, болталась женская сумочка с косметикой и документами. Идти оставалось еще минут десять, девушка мерила каждый метр, все чаще останавливаясь, чтобы передохнуть. Катька разжимала и сжимала заиндевевшие от тяжести ноши ладони и тихо плакала, плакала украдкой, чтобы никто из прохожих не увидел. «Ничего, не сахарная» – всплывала в голове фраза отца, когда родители сажали ее в автобус, с большим трудом засовывая сумки в багажное отделение. «Вот, всегда так... Не сахарная... Не сахарная...» – таща сумки и смахивая слезы думала Катька. Слова эти настолько проникли в сознание девушки и всосались в каждую клеточку вместе с кровью, что при любой непростой ситуации девушка твердила себе: «Ничего не сахарная!» и бралась за дело.

После окончания сельской школы в областной глубинке с серебряной медалью, Катька решила поступать на фило-

логический факультет педагогического университета. Почему она поступала именно на филологический, Катька точно не знала. Учитывая то, что две единственные четверки выведенные в аттестате каллиграфическим почерком, были по физкультуре и русскому языку.

Факультет русского языка и литературы был сильным и совершенно не покупаемым, первое, по ненужности, второе, по совершенной принципиальности старых преподавателей, еще того десятка, который знал наизусть прозу классиков, писал многотомные диссертации об удвоенном -н и впадал в кому от неправильного ударения. В то время, когда училась Катька, не было вездесущего интернета, и весь благоухающий филфак красавиц-девиц в самом расцвете лет, сутками просиживал в библиотеках, причем очередь на особые редкие книги нужно было занимать за два-три дня. Хорошо, что Катька любила читать, так как филфак проглатывал сотни произведений за семестр и учил десятки стихотворения наизусть.

– Сколько блинов съел Чичиков в гостях у Коробочки? – как всегда улыбаясь, спрашивал Алексей Харитонович Мортей, щуря и без того маленькие глазки.

– Ммм...шесть...а может и семь – стушевалась Катька. Рой мыслей кружился в молодой и еще более кудрявой голове девушки. «Или опять подвох, как тогда с соловьем в басне, который и не пел вовсе. Нет, блины Чичиков ел точно,

но сколько?»

– Хорошо... Ну а как он их ел, помните? – по-доброму издевался Мортей.

– Алексей Харитонович, я точно помню, что он их ел, но не помню сколько и как – расстроилась Катька.

– «А блинков? – сказала хозяйка. – Начал медленно и с выражением читать наизусть Алексей Харитонович. – В ответ на это Чичиков свернул три блина вместе и, обмакнув их в растопленное масло, отправил в рот, а губы и руки вытер салфеткой. Повторивши это раза три, он попросил хозяйку приказать заложить его бричку. Настасья Петровна тут же послала Фетинью, приказавши в то же время принести еще горячих блинов.

– У вас, матушка, блинцы очень вкусны, – сказал Чичиков, принимаясь за принесенные горячие».

То, что Мортей процитировал тест наизусть несколько не удивляло студентку, все уже к этому привыкли. Весь факультет давно знал, что у Мортея блестящая память и любого автора он мог воспроизвести без книги, полагаясь только на свои уникальные способности.

– Хорошооо... А что за надпись была на беседке в деревне Манилова?

Про надпись Катька не помнила вообще и не стала терзать Мортея своими глупыми догадками.

– Ну, что же Вы, барышня, так... Русскую классику нужно читать вдумчиво, смакуя каждое слово, каждую букву,

каждую запятую... «Под двумя из них видна была беседка с плоским зеленым куполом, деревянными голубыми колоннами и надписью: «Храм уединенного размышления»; пониже пруд, покрытый зеленью, что, впрочем, не в диковинку в английских садах русских помещиков».

После того, как Катька дважды завалила тексты Мортею, она задумалась и? как отличница с медалью, стала рассуждать: «Я же не глупая, читаю вдумчиво, ничего не пропускаю, все делаю ответственно, но валю... Ага, Мортей больше спрашивает о деталях, описание, внешность, нюансы... События и факты его совершенно не интересовали... Ну что ж, попробуем читать по-другому». И с этого момента Катька стала записывать в тетрадь все описания, которые ей казались интересными, будь-то деталь внешности, гардероба, домашней утвари. В тетради девушка указывала название произведения, главу и цитировала описания. И дело пошло, она, конечно, не могла так блестяще и творчески читать наизусть, как знаменитый преподаватель, но промахов становилось все меньше, и ответы девушки были все точнее и точнее. Скоро о Катьке загудел весь филфак, что она единственная все с первого раза сдает Мортею. И Катькины тетради, а таких тетрадей у нее уже было с десяток, пошли по рукам. Катьке было не жаль этих записей и после сданного произведения, тетрадь тут же выхватывалась и растворялась в толпе надушенных и разодетых студенток. Девки благодарили и чертыхались, открывая катькину писанину.

– Да, Катюх, как так можно писать, как курица лапой, ничего не понятно!

– Что не понятно? Давай мне, я все пойму! – тут же рвала тетрадь другая девица. – Нет, отдай, разберусь уж как-нибудь, здесь очередь между прочим!

«Только бы шуба не порвалась! Еще этого не хватало!» – думала про себя Катька, таща сумки. Шуба была на Катьке кроличья, китайская, купленная на рынке, как, впрочем, и все вещи девушки. И шуба эта не раз предательски рвалась в самые неподходящие моменты: то по дороге в университет отпадет кусок, то в кино разойдется на спине. Катьке так было стыдно за эту шубу, особенно перед Вовкой, ее молодым человеком. Наконец-то, девушка подошла к дому, и оставался последний марш-бросок на третий этаж. Катька снимала комнату у одной бабушки и с бабушки, конечно, помощник был никакой. Пыхтя и потея, Катька дотащила все сумки по очереди в квартиру. Мария Ильинична как обычно сидела в кресле и читала книгу, и Катька не раз задавалась вопросом: «Зачем пожилым людям читать книги, зачем им эти знания и возможно опыт, ведь все это уже некуда применить и некому передать?!» Единственная дочь Марии Ильиничны с семьей жила в Израиле и уже более пяти лет не приезжала к матери. Эти катькины мысли были очень жестоки к маленькой старушке, но они были небезосновательны. Еще в свои двенадцать Катьке было страшно остаться одинокой и, глав-

ное, глубокой и умной старушкой в тихом уютном болоте с четырьмя стенами. И в тридцать лет все еще не замужем и без детей девушка твердо решила – прыгнуть с моста или из окна, но только не доживать в кирпичной коробке, если ее жизнь не сложится так, как задумала ее чокнутая и наглая фантазия.

– Катя, с приездом! Как мама, папа? Ой! Как ты все это несла, бедняжка? – залепетала Мария Ильинична, вспорхнув с кресла.

– Своя ноша не тяжела! – ответила с улыбкой девушка. – Все хорошо. Мама передала много мяса и рыбы, даже не знаю, поместится ли в морозилке.

Уж что, что, а питалась Катька хорошо. Родители имели свое хозяйство и при каждом удобном случае передавали продукты доченьке в город. Катька в свои девятнадцать при росте сто шестьдесят семь сантиметров весила почти шестьдесят килограммов, грудь была большая, стоячая, аж под подбородок, и румянец во всю щеку на парной сметане, да на степной баранине. Кушала Катька отменно, а вот свободных денег не было совсем, каждый рубль, присланный родителями, и стипендия складывались и рассчитывались под ноль, ничего лишнего девушка себе не позволить не могла. Однажды Катька купила шоколадку, тогда только появились «Альпен Голд», а потом пришлось занимать денег на проезд у Наташки, подружки по университету.

А похудела Катька через год, махом на десять килограм-

мов, когда чуть не сдохла от любви к своему Вовчику, служаке из Львова, жалкому и наглому офицеришке. Катька господина офицера кормила и телом и едой, исправно и сытно, давала денег, когда стала подрабатывать официанткой, рвалась знакомить с родителями. А он полюбил другую. Катька была жалкой сучонкой, приходила к нему в общагу, просила, чтобы вернулся. В общем была дура-дурой. На одно ума хватило – предохраняться, и на противозачаточные таблетки неизменно и скрупулезно выделялась сумма из скромного девичьего бюджета.

Глава 10

Катька ввалилась домой как обычно поздно, сначала бухнув объемным спортивным рюкзаком на пол, затем очередной пачкой распечатанной книги, потом сумкой, и в конце полетели ключи с перчатками.

Вера крутилась на кухне, занимаясь готовкой.

– Опять печень? – спросила Катька, почуяв знакомый запах.

– Ну да, а что? Я же ее люблю.

– Эт понятно, просто как она тебе еще не надоела? – искренно удивлялась Катька веркиной любви к печени. В последние полгода, как Катька более-менее выбралась из «жопы», подруги питались отдельно. Катька только завтракала дома, а обедать она любила в каких-нибудь кафе в радиусе одного километра от бизнес-центра, в котором работала. Она знала все кафе и ресторанчики и почти наизусть помнила все бизнес-ланчи. Девушке вообще нравилось есть вне дома и уж тем более вне работы. Катька обожала обед! Это была прекрасная и, главное, разрешаемая законодательством причина смыться с работы подальше от пресловутого, до проплешин затертого кабинета, стола и компьютера.

– Катя, представляешь! Нет, ну я вообще не могу уже от этого мужчины! Кать, он на самом деле не понимает, что не

нравится мне, и не то что не нравится... Сейчас он бесит уже нереально меня. Сегодня, знаешь, что вычудил?

Катька улыбнулась, умиляясь предстоящей истории о Михалыче.

Вера работала операционной медсестрой в хирургическом отделении клиники специализирующейся в основном на сердечно-сосудистых заболеваниях. Девушка в этом центре трудилась без малого шесть лет, работу свою любила и была на хорошем счету. Коллектив сплотился постоянный и дружный. Хирурги тоже любили Веру и тихо радовались, если попадали с ней в смену. Но только с Верой проводил операции доктор наук, профессор и заслуженный хирург Геннадий Алексеевич Никитин. Операций у него было не так много, но те операции, которые делал Никитин, были уникальными и очень сложными, семь потов сходило за несколько часов у всей операционной группы. Резкий и строгий Никитин частенько мог матюкнуть, если его не понимали с первого раза, а откровенная глупость и непрофессионализм в секунду превращали его в зверя. Поэтому именитого хирурга все боялись и, когда появилась Вера, медсестры вздохнули спокойно, и стало гораздо меньше зареванных подушек, слишком ранимых и не слишком смекалистых медсестер. На Веру Геннадий Алексеевич мог тоже прикрикнуть, особенно поначалу, но девушка быстро исправлялась и никак не реагировала. Уже после операции Вера подходила к Никитину и

спокойно объясняла, почему она протянула именно острый двузубый крючок, а не тупой. Хирург очень удивлялся таким Веркиным заходам, скупно бросая ей: «Учитесь». И Верка училась, заходов стало меньше, а однажды Никитин сам остановил Веру в коридоре и стал объяснять ей в чем был нюанс и что ей нужно учитывать при следующей операции.

Сорокапятилетний Михаил Иванович Карамышев работал санитаром в отделении третий год, завершив неудавшуюся карьеру при армии. Высокий, под два метра, мужик, громогласный, с густой шевелюрой с проседью и такими же густыми ветвистыми усами. Михалыч был несколько раз контужен, не пил, но курил без меры, заменяя алкоголь никотиновой зависимостью. Верка всегда очень смешно описывала, как он, важно и не торопясь, расхаживал по коридорам клиники, практически не сгибая свои длинные ноги в коленях, как цапля. И частенько, когда пациент умирал на операционном столе, Вера зло шутила над Михалычем, обвиняя его в смерти, потому что тот его долго нес. Также Михалыч имел ужасную привычку громко отхаркиваться, по причине зашкаливания табака в легких, и слово паразит, которое выводило из себя с виду абсолютно непробиваемую Веру – «это самое».

– Кать, заходит он в палату, я готовлю пациента. Я сосредоточена, у меня Никитин. И эта усатая цапля сначала начи-

нает, блять, кашлять там у меня! – Вера стала изображать, как Михалыч кашляет. – Эмммм! Ээээ! Кхэ! Кхэ! Кхэ! Ээ-эмммм! Эррр! Катька слышала уже это много раз, но вновь покатывалась со смеху, потому что Вера показывала очень правдоподобно: багровея, морщась, широко открывая рот, корча рожи и меняя голос.

– Потом, наконец-то, откашлялся и говорит такой: «Это самое...Вер...Эт...Я чо зашел-то ...Случайно прохожу ...И вижу ты здесь»... Кать, он задолбал! Он постоянно случайно мимо меня проходит! Я обедаю, он как бы случайно тоже тащит свой пакет с едой. Я варю кофе, ему тоже, блядь, хочется вдруг кофе! Я выхожу покурить, и он опять, конечно же, случайно там! – распалилась Верка. – Так, продолжаю: «Я случайно проходил...». Я его перебиваю: «Так, Миш, ты что хотел, я занята сейчас!» – «Так это самое... Давай сходим на Монстры на каникулах!» И заржал так по-идиотски. Ну почему заржал, распереживался, я понимаю, это нервное, нервная хорея у него уже развилась... Кать, представь: сорокапятилетний мужик приглашает сорокалетнюю женщину на мультик да еще на каникулах! Я не понимаю, Кать! Почему на каникулах? Он детей своих хочет притащить что ли?! Чтобы они потом маме рассказали, что у папы-неудачника, наконец-то, появилась женщина! – Веру распирало, а Катька продолжала ржать, хлопая себя по коленке.

– Да нет, Вера, это мультик так называется «Монстры на каникулах»!

– Аааа... Ну это дела не меняет, все равно, что за дурацкое приглашение!

– И что? Я надеюсь, ты согласилась!

– Я так разозлилась, Кать, скуксилась как лимон! – Верка показала, как она скуксилась. – И говорю ему – Нет, Миш, я не люблю мультфильмы... А он опять заржал, как ослик, и говорит: «А... Ну... Понятно... Ну я это пошел... Я же просто так проходил... Думаю заодно».

Катька все смеялась, Вера тоже улыбалась, довольная, что рассмешила подругу.

– А ты что так поздно? На проверке или на свидании была?

– Нет, со свиданиями пока завязала, уж полна моя копилочка шедевральных мужчин. На проверке, Александр попросил, причем ехать нужно было аж в Митино, потом на тренировку.

– Ты голодна, поешь печени?

– Ой, нет, сейчас уже поздно, только чай попью.

Глава 11

Катька стояла на голове, попеременно касаясь пяткой то одной ноги, то другой шершавой стены, с кое-где отошедшими обоями. Квартира была без излишеств, с давно не сделанным ремонтом, но светлая, добрая и чистая, причем, в последнем была немалая заслуга именно Катьки, которая каждую уборку отдраивала все уголки до скрипа. Девушка свое «гнездышко» любила, также ее «гнездышко» любили и все ее друзья, частенько закахившие на кофе или чего-нибудь покрепче, с приглашениями и без. Это была первая квартира, которую Катька снимала самостоятельно уже два года, одна без чьей-либо помощи, как и предстоящие десять лет жизни. Тогда Катьке исполнилось двадцать семь лет, она уже руководила отделом продаж в компании и сейчас половина двенадцатого ночи просчитывала план на следующий год. План этот она писала не впервые и прекрасно понимала, что реальными, дай бог, будут только первые три месяца, а остальные показатели так тщательно анализируемые покатятся в тартарары, учитывая волнообразное движение их бизнес-стратегии, многочисленные «идеи» Сергеича, ну и то, что живем в России. Катька устала от бесконечных цифр и графиков, в глазах рябило, мысли были уже не такими четкими и уверенными. Девушка решила подзарядиться, встав в стойку на голове. Катька в то время достаточно серьезно

и ответственно занималась йогой, в большей части благодаря уникальной девушке Анечке Карасевой, профессиональному тренеру, настоящему знатоку восточных методик и человеческого тела. Не смотря на юный возраст Анечка была мудра, и знание, которое многим не дается и с годами, она уже несла в себе и делилась им с окружающими. Аня обладала очень милой внешностью: румянцем персиковых щечек, чистыми голубыми глазами с длинными ресницами и голоском, как у Настеньки из «Морозко», но в противовес внешнему была сильна и упряма, много читала, упорно занималась, постоянно ездила на всевозможные тренинги по йоге и духовному развитию. Когда Ане исполнится тридцать, она разработает собственную систему тренировок, учитывая плюсы и минусы, ошибки и достижения йоги, цигун, калланетики и еще нескольких направлений, которыми ей приходилось заниматься. Аня станет известным в своих кругах тренером, мастером по йоге физического и панического тел, а для многих учителем, и записаться к ней в группу будет не так-то просто из-за огромного количества желающих. Но совершенно иное ей пророчили мама и бабушка. Аня росла девочкой хрупкой и болезненной, часто пропускала школу, всячески сторонилась вообще какого-либо спорта, и даже получила освобождение по физкультуре по состоянию здоровья, пока бабушка ее не показала, пожилой и уже редко практиковавшей, доктору медицинских наук, профессору Любви Васильевне Громовенко. Маленькая седовласая

старушка-профессор, осмотрев шестнадцатилетнюю девушку и ознакомившись с анализами, направила ее в класс йоги. Бабушка и мама Ани тогда очень удивились рекомендациям профессорши, сделав вывод, что все-таки Любовь Васильевна уже не та. Но Аня идеей загорелась, и уже через неделю стояла в собаке.

Катьке оставалось еще тридцать секунд в стойке, и она терпеливо ждала, когда зазвонит таймер. Аня говорила, что для начинающих со стойкой на голове лучше не усердствовать и все делать постепенно. Катькино время было ровно полторы минуты. После сигнала таймера девушка аккуратно опустила ноги и на несколько секунд задержала голову в перевернутом положении, кровь постепенно возвращалась к телу, забирая с собой красноту с лица. Наконец, девушка медленно встала и подошла к окну. Ночь разбавляли пара фонарей и несколько не спящих окон в пятиэтажке напротив. «Что я делаю? Зачем я это делаю? Для кого?... Какие плоды можно пожать в результате моей работы, кому я несу пользу, добро, вдохновение? Для себя? Я выполняю эту работу, чтобы получать зарплату тридцать пять тысяч рублей, оплачивать квартиру, покупать еду и шмотки, на большее не хватает... Но даже не в этом дело... А что будет через пять – десять – двадцать лет?! Наша компания разрастется, разбогатеет, я буду управлять большим количеством людей, считать гораздо большие цифры, писать более объемные планы,

проводить более масштабные собрания, решать более глубокие вопросы, но все они будут касаться в той или иной степени денег, моей карьеры как управленца и . . . Все. Я буду летать на курорты в солнечные песочные страны и готическую Европу, возможно, накоплю на машину, а затем на квартиру, на стандартную одно или двухкомнатную квартиру, в которой буду жить одна, а бог даст, с семьей до конца дней своих. Господи! Как это страшно! Как страшно всю свою жизнь провести в одной и той же кирпичной коробке, вставать в одно и то же время на работу и уходить в одно и то же время с работы, видеть и работать по большей части с одними и теми же людьми, и даже, если меня будет все также хранить мой ангел, моя жизнь будет шаблонна и стандартна, жизнь винтика в системе многочисленных матриц. Но родители будут мной гордиться, большинство знакомых завидовать из-за узости сознания, я буду крутая бизнес-вумен. Фу, какая чушь! Как это неинтересно и скучно. Юбки карандаши, дорогие очки, властный взгляд, снисходительная улыбка, здравые решения, порой смешные и совершенно незаметные для вселенной рискованные ходы, за которые меня мужчины будут хлопать по плечу и думать, что я «баба с яйцами». Но я не хочу быть этой бабой, и уж тем более стандартным винтиком системы» – так думала Катька в свои двадцать семь, смотря в ночь из окна маленькой хрущевки маленького провинциального городка.

Что-то со скрежетом звякнуло, быстро-быстро закрутилось и со свистом вылетело из четкого и отлаженного механизма. Старый мастер надел очки и стал внимательно рассматривать выскочившую, немного погнутую и поцарапанную гайку, он улыбнулся, подкинул гайку на ладони и привычным движением ловко бросил непригодный элемент в мусорное ведро.

Глава 12

Эдуард сидел закинув ногу на ногу на кожаном диване у себя в кабинете и изучал распечатки счетов-фактур, платежек, накладных и прочих документов, говорящих о производстве офисных столов и стульев, только, увы, не его, а Корчатовского Сергея Ивановича. Эдуард все знал, все доказательства были собраны. За последние три года, как говорили бумаги, Сергей поставил на поток небольшое производство мебели на базе его фабрики, как паразит, присосавшись к бегемоту, и кормившийся все это время за счет Эдуарда. Сергей брал комплектующие, древесину, отделку, все за счет компании, а реализовал готовую продукцию уже самостоятельно, набивая денежкой свой карман. «А еще друг! – с досадой подумал Эдуард. – Сколько мы с ним объездили охот, сколько стран... И делился я с ним многим и мне хотелось с ним делиться, так как видел, что он меня понимает, поддерживает... Сука! И почему я не увидел этой гнили?!» Родимое пятно на лице мужчины от переносицы к щеке потемнело и стало почти фиолетовым, Эдуард резко встал, стряхнул пару соринки с дорогих шерстяных брюк, сшитых у Corzetti, подошел к окну и с усилием потянулся. В последнее время болела спина, протяжно завывая позвоночником. «Что-то не то с тылом – думал Эдуард, – Что-то не так с осью... Предательство? И да и нет... Не те люди рядом?... Да нет же нико-

го, и не нужен мне никто... Устал... Надо заказать кушетку, ортопедическую, диван выкинуть на хрен, вон к секретарше, а сюда, у окна вот поставлю кушетку и буду распластываться на ней, чтобы разгружать позвоночник.» Эдуард представил кушетку у окна и почему-то не себя, а Катю на ней, голую, похотливую, влажную, она покорно лежала на холодной коже кушетки горячая и мокрая, протягивая руки для веревок. От внезапной фантазии в штанах мужчины зашевелился и начал уверенно вставать член. «Эй, эй, эй, друг! Не сейчас! Что вообще с тобой?» – удивился Эдуард. Несмотря на раскрепощенность в сексе, свои знания, опыт, со своим желанием мужчина был на Вы. Желание, а проще и точнее сказать «стояк» возникал только в определенные периоды жизни Эдуарда. Большую часть периодов он уже понимал, но несколько еще оставались для него в тени, и уж сейчас был точно не тот период. Он вообще даже не думал о сексе, не заводили ни откровенные фото, присылаемые по ватсап его женщинами, ни порно, ничто не могло запустить его эрекцию. «А тут вдруг, на тебе – стояк! Если к вечеру не отпустит, напишу ей, хоть бы смогла» – мужчина сощурился при мысли, что Катя может и не приехать, месячные или может другой.

У Эдуарда было три девушки про запас, случалось так, что хотели все три сразу, а бывало, что ни одна из трех не могла. Эдуард тогда злился невероятно и был очень настойчив. Катя была другая – немного странная, тихая, практически ничего о себе не рассказывала, больше слушала и мужчина все-

гда удивлялся, почему его так прет с ней, с ней единственной было больше разговоров, чем секса. Но и секс с Катей был хорош: чувственная, покорная, возбуждающаяся от минета и делающая его с неподдельным удовольствием, да еще к тому же сквиртующая. Мужчина впадал в дикий восторг, когда струи ее жидкости стекали по ее стройным ногам или заливали его живот с промежностью, если девушка была на нем. Эдуард доводил ее до оргазмов со сквиртом в среднем по пять-шесть, а было и по восемь и даже десять раз и потом кончал сам в мокрую изнеможенную девушку, практически не ощущая мягкого как желатин влагалища. Спустя несколько минут отдыха Катя вставала и, покачиваясь на ватных ногах, шла в ванную. Они немного выпивали, и девушка просила сварить ей чашечку эспрессо, так как его было пить самое время, часы показывали четыре или пять утра. Катя осторожно брала чашку с кофе в ладони и поднималась наверх по лестнице на балкон. На балконе Эдуард заставлял девушку сидящей голый в плетеном кресле и смотрящей вдаль, на еще очень тихий спящий город. Катя делала небольшие глотки кофе, аккуратно ставила чашечку на стеклянный столик и, по-прежнему, смотря вдаль чему-то улыбалась. Эдуарду нравилась эта картина: красивая, совершенно не стыдящаяся своей наготы женщина на открытом балконе, но из чувства такта и какой-то инстинктивной мужской заботы он всегда приносил ей плед, укрыться.

Но все чаще в последнее время Эдуард стал замечать, что

стал более ласков с Катей, стал реже привязывать ее, не так больно шлепать, уже не тот стальной тон приказа, и совсем исчез мат, за последние встречи он не вспомнил ни одного по-настоящему жесткого приема из бдсм с ней. Мужчина поймал себя на мысли, что хочет быстрее посадить ее на себя и начать трахать, как она любит, и тогда ее струйные оргазмы текут рекой. «Что-то не то, Эд, – сказал он сам себе. – Похоже какой-то червяк завелся в твоей голове». Эдуард уже понимал, что это был за червяк, и что он может сделать через пару месяцев не только с его головой, но и с сердцем. Мужчина от Corzetti этого не хотел. Это было бы слишком, достаточно уже заползло в его жизнь этих червяков. Оправив рубашку в брюки, Эдуард стряхнул напряжение в члене и точно решил Кате не писать.

Глава 13

Вера пила кофе в ординаторской и тайком читала «Зимнюю сказку» Шекспира, спрятав тонкую книжку в чью-то историю болезни. Под острым перикардитом ей открывался гротескный и яркий мир вечных персонажей великого драматурга. «Как жаль, – думала Вера, – что я так и не выучила английский, какое было бы наслаждение читать сейчас всего Шекспира в оригинале. Так, надо, чтобы Андрей английский не запускал, позвоню маме, как он там, не прогуливает репетиторов?». Вера сидела по-девичьи, ссутулившись в кресле, одной рукой подперев щеку. Длинные волосы были заплетены в замудреную косу, которая к концу рабочего дня уже слегка растрепалась. Умное и все еще красивое лицо девушки выражало силу и спокойствие, бледная тонкая кожа, сеточка морщинок у глаз, подведенных безукоризненно ровными черными стрелками, закругленными в кокетливые хвостики у висков, только опущенные под давлением последних лет уголки губ добавляли печали и какой-то осенней грусти выражению ее лица.

Оторвать взгляд от книжки Веру заставило настойчивое мелькание высокой тени за полупрозрачными стеклами двери. Тень то подходила, то отдалялась, громко шаркая и противно кашляя. Девушка инстинктивно поморщилась, узнав в надоедливой тени Михалыча. «Да, Господи, даже здесь

укрыться не дает! – завопила про себя Вера. В этот момент тень подошла вплотную к двери, громко стукнула и, не дождавшись ответа, медленно приоткрыла дверь.

– О! Верунчинчик! Ты здесь! – нервно захихикал Михалыч, шевеля своими кустистыми усами, как таракан. – А я это самое... Думаю... Проходил мимо... Дай... Это самое... Гляну. – безуспешно пытался построить связное предложение мужчина. «Блядь, я щас грохну его! – уже закипала Вера. – Опять приперся! Фу, да еще Верунчик!» Вера терпеть не могла, когда ее так называли, девушка вообще ненавидела уменьшительно-ласкательного обращения и всевозможного усюсюкивания, даже просто «Верочка», заставляло ее хмурить брови.

– Верунь, я чо подумал-то... А ты на «Призраке оперы» была?

– Нет. – отрезала Вера и подумала: «Каков прогресс! От мультика с монстрами до «Призрака оперы», точно есть советчик...»

– О! – обрадовался Михалыч. – Я это самое... Билеты тогда беру... В эту пятницу... А? – расхрабрился мужчина, пододвинув стул к Вере и сев почти вплотную, так, что коленка девушки касалась его огромной высоченной голени.

– Нет, Миш. Я не хочу. – еле сдерживалась Вера, поражаясь наглости мужчины. «Права Катька, когда говорила, что такие люди, как Михалыч, вообще не осознают своей никчемности, неинтересности, своей непривлекательности.

У него же разговоры только о детях, да о том, как он, именно он, санитар, кого-нибудь спас. Вечно у него у всех оперируемых жизнь висит на волоске, и, если бы не он, профессионал с большой буквы, санитар, Михаил Иванович Карамышев, все бы уже давно умерли». Но если эти байки про супер-спасателя иной раз забавляли Веру, то бесконечные разговоры о дочках просто выводили из себя, девушка очень раздражалась, когда Михалыч бесцеремонно тыкал ей телефоном в лицо, показывая фотографии дочерей или просил распечатать на цветном принтере «пару фоточек донек». Михалыч везде и всюду лез со своими девочками, встречал в женские разговоры в курилке, вклинивался в беседу за обедом. Еще больше Веру выводили из себя его очень громкие, почти переходящие в крик разговоры с дочерью по телефону! Может кого-то это и привлекало, что мол, каков отец, любящий, заботливый, но только не Веру. Девушку раздражало отсутствие у него других тем, что он по сути ничего не умеет, даже водить машину, что ездит на метро, хорошо, что хоть квартира досталась от матери, не снимает, еще раздражало, что он огромный и уже перезрелый тюха. Вера закипала: «Вот три года уже работает в нашем отделении и все это время он только и делает, что мельтешит, громко кашляет, глупо хихикает, подкарауливает, напрашивается проводить до метро. На большее за три года фантазии не хватает, вот в последнее время что-то расхрабрился, таблетки смелости что ли появились?».

– Нет? – не веря ответу, сдвинул брови мужчина.

– Нет, Миш, спасибо за приглашение. – как можно мягче ответила Вера.

– Не ну а чо... Так-то... Это самое... Не была же ведь... – не на шутку начал злиться Михалыч, чаще шевеля усами и смотря прямо в глаза.

– Миш, я занята. – отрезала Вера, удивившись его внезапной реакции. Мужчина тем временем придвинулся к девушке почти вплотную, не отрывая ненавистного взгляда маленьких светлых зрачков и противно дыша ужасным коктейлем растворимого кофе и сигарет. Вера оторопела, ей показалось, что он сейчас схватит ее за горло и начнет душить, как Отелло Дездемону, и тогда герои ее любимого Шекспира оживут не на страницах книжки, а прямо здесь, в ординаторской. Михалыч резко встал, по-прежнему пожирая Веру глазами, затем быстро вышел, насколько ему позволили нестигаемые колени, громко хлопнув дверью.

Вера закрыла книгу и ухмыльнулась, вспомнив опять Катькины слова, что такие мелкие люди очень обидчивы и мстительны. «Вот из таких, кстати, получаются великолепные маньяки!» – как-то шепнула Катька Вере после очередного рассказа о Михалыче. «Фу, дура ты, творческая! У тебя персонажей что ли не хватает – рассмеялась подруга. – У него мозги как у курицы... Ахах! Цапля же! Михалыч маньяка не потянет».

Глава 14

– Екатерина, я еще раз вас спрашиваю – приходят ли смс-оповещения о том, что такси подъехало или нет?! Для меня это очень важно! – уже десять минут вопил в трубку один и тот же вопрос Валентин, корпоративный клиент из Магнитогорска.

– Валентин – еле сдерживалась Катька, – Я же вам сказала, у нас смс приходят, а также поступает звонок о том, что машина подъехала.

– Сколько раз вам, Екатерина, можно повторять, что меня звонки не интересуют, мне нужны именно смс! Я не могу контролировать, чтобы у моего персонала всегда был положительный баланс, а звонки поступают только тогда, когда на балансе есть деньги! Поэтому мне нужна смска! Она всегда приходит даже, когда баланс отрицательный – продолжал истерить Валентин.

Девушка инстинктивно морщилась, представляя этого Валентина на конце трубки. «Валентин – мудантин» – вспомнила Катька бородатую шутку из казино про одного игрока.

– Валентин, а не проще держать всегда денежку на балансе? В любом случае оператор или водитель будут звонить вам, пока не убедятся, что вы знаете о том, что такси подъехало. Когда вы вызываете такси, вы оставляете контактный

номер для связи и тем самым обязуетесь на этой связи быть.

– Екатерина, вы хотите сказать, что это моя проблема? Моя проблема, что до меня не доходят смс?

– Ммм... да, Валентин, по сути, это ваша проблема. – вырубил Катька.

– Екатерина, а у вас там все такие грубые и хамы?

– Нет, Валентин, не все. Я приношу извинения, если чем-то обидела Вас. – выдавила последние слова Катька, поглядывая на Карину с округленными глазами.

– Екатерина, вы мне можете точно сказать, приходят смс или нет?! Ваш коллега из Магнитогорска утверждает, что они не приходят и у нас они НЕ приходят! – уже кричал Валентин. – Я вам могу процитировать, как ответил ваш коллега из Магнитогорска на мою жалобу на смс.

– Валентин – перебила мужчину Катька. – Не нужно ничего цитировать, мы и без этого достаточно долго разбираем этот вопрос. У нас смс приходят, я вам это еще раз подтверждаю.

– Екатерина, вы кажется меня не понимаете! Как я могу технически и документально получить от вас подтверждение, что смс-оповещения точно приходят?

Катьке хотелось ответить «Никак, потому что ты мудака!» И если бы не сидящая рядом Карина она бы так и ответила. Девушку взбесила не сама рабочая ситуация, а то, что мужчина, именно Мужчина орал и истерил по такому мелочному и пустяковому вопросу. «Что вообще у него в голове? Что

он вообще такое?» – крутилось у Катьки. «Судя по голосу ему за тридцать, наверняка, управляющий или собственник, а может администратор какой-нибудь шаражкиной компашки или захудалой кафешки... И какие-то смс... Не может он контролировать баланс рабочих телефонов, что они всегда в минусе. Фу, ерунда какая! И на такие истерики он тратит свое драгоценное время жизни... И мое. А ведь он чей-то муж, чей-то сын, чей-то отец... И смс... И нет баланса на телефоне. И надо выебать мозг менеджеру в Москве. А менеджер в Москве Екатерина очень груба и резка, потому что ты, Валентин, маленькое мужское ничтожество и, потому что у менеджера Екатерины ПМС». Остановив на этом свой монолог и, убедившись, что она, правда, находится в самом пекле предменструального синдрома, девушка решила закончить разговор, чтобы не сорваться и не испепелить этого Валентина до кости.

– Валентин, как я понимаю, других вопросов у вас нет, поэтому всего доброго и хороших вам выходных. – отрезала Катька и нажала на кнопочку.

– Это был кто? – удивленно спросила Карина.

– Это был что.

– Ну ты с ним резко.

Катька промолчала и, тихо развернувшись креслом к окну, стала смотреть на падающий снег. Взгляду девушки открывался серый индустриальный пейзаж внутреннего двора бизнес-центра с техническими зданиям-кирпичиками и пу-

стоглазыми семиэтажными парковками. Снег летел со скоростью к земле и тут же таял. «Будто летит к своей смерти – подумала Катька. – Как бабочка на огонь...

– Катя, а сколько ты будешь лететь к своей смерти? Ведь ты летишь сейчас ни сколькоим не медленнее этого снега... Что или кого ты ждешь?

– Я не жду, ты же знаешь... Я знаю, что ты мне ничего не дашь... Может быть только боль... Как с первой книгой... Не хочу больше боли... Я ее писала на надрыве, с разбитым в хлам сердцем... Писала быстро, писала в агонии... Потому что у меня не было денег и, прости, даже нечего было есть... Ее никто не хочет печатать... Тридцать семь издательств... И никто...

– Но я же дал тебе вторую, она гораздо живее и актуальнее. На какой ты сейчас главе?

– Двадцать третьей.

– Когда последний раз писала?

– Недели две... Три назад.

– Почему не пишешь больше?

– Rrrrrr!!! – взревела Катька. – Ты же знаешь, ты же все знаешь! Я не могу! Я приезжаю домой в девять или двенадцать, потом мелкие дела, я устаю, я истощена...

– А выходные?

– Выходные тоже, кружусь в суете...

– А я смотрю тебе здесь нравится? Да? Ты прям крутая! Ты гениальная! Прекрасная работа у тебя... Прекрасные

виды...И Валентин...Мммм...Мудантин...И такие глобальные вопросы, и темы...Ты прям жжешь! Жжешь жизнь...Ты смотри, он еще нажалуется на тебя...Такие всегда пишут во все инстанции...Ахахах!!!

– Я знаю, что нажалуется...Но ахахах! – передразнила девушка. – Мне все равно.

– Согласен, сам тебя такой сделал. Так что с выходными и в будни хотя бы по часу, как обещала?

– Я постараюсь, я все знаю.

– Постарайся, иначе заберу и его.

Катька сжала губы и сквозь зубы прошипела:

– Только посмей! Он мой, слышишь! Я же так долго...Я же вымолила... Я вообще никому его не отдам!

– Ахахах! Ну сдуйся, остынь...Иди-ка лучше прогуляйся! Я подморожу немного и дам твоему снегу пару часов...А может и ночь...Ахахах! Иди!

Глава 15

Пощарапанная гайка лежала в ведре среди таких же, немного погнутых, где-то сколотых, отшлифованных, а где-то наоборот местами со ржавчиной, гаек, шурупов, колец и даже ключей. Гайка не знала, что именно сейчас в этом холодном алюминиевом ведре решается ее судьба. Когда ведро наполнилось ненужными для мастера элементами, незнакомый юноша с чуть пробившимися усиками над верхней губой, поднял ведро за ручку и понес из мастерской куда-то в подвал. Он шел уверенно, привычной дорогой, ловко петляя темными коридорами, почти в припрыжку спускаясь с крутых лестниц, минуя закрытые и открытые двери абсолютно разношерстных помещений, наконец, он вышел на улицу. Яркое солнце заиграло в ведре, слепя глаза прохожим и заставляя приоткрывать правый глаз мирно дремлющих котов. Юноша продолжил идти знакомой дорогой по направлению к центру, пройдя также бодро и весело несколько кварталов, он оказался на местном блошином рынке. На блошке, как и полагается, торговали всякой всячиной: поношенными вещами, украшениями, книгами, старыми, с потрепанными корешками, и новыми, еще пахнувшими свежей краской, а также предметами, на первый взгляд, совершенно не имеющими никакой ценности: разбитыми кирпичами, не тающим льдом, туманом в банках, водой, камнями, пеплом,

землей, аккуратно расфасованной по коробочкам, дровами. Юноша направился к отдельному островку блошиного рынка, за прилавками которого расположились торговцы точно такими же гайками и шурупами, какие сверкали в ведре у мальчика. Он подошел к мужчине лет сорока, приветливо ему улыбнулся и ссыпал содержимое ведра прямо на прилавок горкой.

– Свеженькие? – улыбнулся мужчина, глядя на блестящий товар.

– Ну, конечно, как всегда, от двух месяцев до пары часов.

– Ну, да, вижу, спасибо Торри – продолжая улыбаться, ответил мужчина и сунул бумажку в карман юноше.

– Да, пожалуйста. Ну как торговля? Идет?

– Да вроде ничего, но есть совсем залежалые, даже больше десяти лет, на них редко кто смотрит, боятся не выдержат... Жаль их... Ржавеют, не такие гладкие, трудно с ними... Да еще участились облавы на нас, гоняют... Хотел тебе сказать, чтобы ты того... Поосторожнее, в корзину что ли пересыпай и носи закрытыми.

– Ай, Ран, я не боюсь, за мной уж сколько раз следили, но я все двери знаю, все коды, как свои пять пальцев, пусть попробуют догнать! Ахаха! – засмеялся юноша, гордый своим опытом.

– Ну, добро... Но будь осторожнее.

Юноша довольный разговором и собственной значимостью, побежал обратно в припрыжку с пустым ведром и

вдруг внезапно исчез, коснувшись одной из витрин маленького винтажного магазинчика.

Не прошло и десяти минут, как у прилавка Рана столпились покупатели, мужчина приветливо улыбался уже всех зная в лицо или то, что они из себя представляли. Так было всегда, как только мальчик приносил свежие элементы, покупатели оказывались тут как тут.

Первым всегда отоваривался батюшка, дородный, с крестом на груди, только, крест был не с драгоценными камнями, а простой, деревянный, с серебряным распятием. Батюшка выбирал из горки своих, не особо копошась в ней, и обязательно брал несколько штук стареньких, кто уже больше пяти, а то и пятнадцати человеческих лет ржавел в коробках Рана. Батюшка иногда платил совсем мелочью, а иногда мог оставить и серебряник, Ран не спорил, назначать цену и торговаться по негласным законам было запрещено, покупатель отдавал столько сколько сам считал нужным за каждый элемент. Следующей была Мария, Ран любил эту добрую, красивую женщину, с теплыми ореховыми глазами и полными розовыми губами, она всегда оставляла одну и ту же хорошую сумму, но не особо церемонилась с элементами и часто просила взвешивать ей горками по двести – триста граммов. Ран в душе радовался, потому что знал, кто попадает к Марии, будет жить в довольстве и радости, будет счастлив в семье, будет вести свое дело, и удача всегда будет на его стороне. Но Марию не любили другие покупатели,

они злились, что она берет всех без разбора, и в горках, которые она скупала, могли быть именно их элементы, Мария не спорила и, улыбаясь, разрешала рыться в ее горке особо дотошным. После того как желающие осмотрят ее горку, она сыпала оставшиеся элементы в свой мягкий, вышитый бисером, мешочек и шла домой делать людей счастливыми, простым, тихим, не амбициозным, не горделивым счастьем, даря им мир, покой и тепло. После Марии подошла очередь Духа. Невидимый, быстрый, несоизмеримо сильный, Ран его немного побаивался и не особо проникался к нему симпатией, прежде всего за то, что в поисках своего элемента, Дух в одну секунду, будто порывом ветра, расшвыривал всю гору по прилавку. Чаще он брал один, максимум два элемента, кидал свернутую купюру и исчезал, но бывало и такое, что Дух никого не находил, тогда он, не спрашивая Рана, поднимал невидимой силой его коробки «со старьем» и бесцеремонно высыпал все на прилавок, грубо откидывая ненужные проржавевшие гайки и ключи. Этим утром Дух сразу нашел «своих», он забрал двух, и Ран облегченно вздохнул, обрадовавшись, что сегодня его лавка больше не пострадает. За Духом подошел Герман, высокий статный старик, как всегда в безупречном костюме с шелковым платочком, кокетливо торчащим из нагрудного кармашка. Герман приходил за творцами: писателями, поэтами, художниками, певцами, режиссерами, скульпторами, актерами. Ран внимательно смотрел, как старик тщательно отбирал себе элементы, поднося

их близко к глазам, крутя их на свету, рассматривая выцветшими старческими зрачками со всех ракурсов. Ран знал, что он выбирает особенных, тех, кто уже точно знает кто он, тех, кто определился с целью, кто уже силен и амбициозен, и поэтому вылетел из системы мастера. Другие не выдержат старика, потому что он с тонкой изощренностью маньяка готовит всем испытания, и нет этим испытаниям конца, потому что творцы создают свои шедевры через боль, это самый сильный и самый действенный катализатор гениальности. Кто ломается, тот обычно прыгает с моста, или пускает себе пулю в лоб, или возвращается к Мастеру, но Мастер не любит «возвращенцев», и система их безжалостно сжирает, бросая на самое дно, к нищенству, алкоголю или наркотикам. Тех же, кто выдержал испытания, Герман делал своими кумирами и кумирами миллионов, он давал им славу и деньги, выполнял их самые заветные мечты и даже больше, он давал им свободу, он давал им вдохновение, он делал их гениями на столетия. Герман рылся в горке элементов чему-то ухмыляясь, клоня аккуратно остриженную голову набок, отдельной кучкой он складывал тех, кто ему приглянулся, но Ран уже знал наперед, что из отложенной кучки он возьмет только два или три. За последнее тысячелетие старик стал сдавать, а может элементы уже не те, да и система стала намного сильнее, держит цепкими лапами.

Старик вернулся к отложенной горке и стал рассматривать новенькую блестящую гаечку.

– Совсем молоденькая... Буквально пара часов... А дерзкая... Хм... Интересная... – улыбался Герман.

– Да... Может оставите Марии, – заперезживал за гайку торговец.

– Марии? Ран, ты чего? Ты не видишь что ли? Совсем ослеп? – недовольно заворчал старик. – Если я оставлю, ее заберет Ламарт, и через пятнадцать, а может и десять лет ее убьют четким выстрелом в голову. А у меня будет жить долго, как захочет.

– Если не спрыгнет с моста. – буркнул Ран в ответ.

– Нет, не прыгнет, слишком самовлюбленна и ангел сильный... У нее вообще нет шансов... А бить буду... И любить буду... Баловать тоже буду, красивая... Ладно, достань вторую коробочку, еще прошлый раз ключ я там присмотрел. Хочу глянуть как он, готов?

Ран достал из «старья» коробку и, порывшись, нашел проржавевший ключ.

– Таааак, ну понятно... Пьем значит... Рак или перелом позвоночника? – спросил, хитро улыбаясь, старик, тараща рыбы глаза на Рана.

Ран посмотрел на ключ и глубоко вздохнул.

– Рак. Перелом тяжело, жена у него ушла к другому, дочка еще совсем маленькая, кто ухаживать будет.

– Хорошо, рак так рак, пусть взбодрится. Все этих двух беру! Эх, хороши! – довольно улыбался Герман, потирая сухие морщинистые руки. – Заверни как обычно.

Ран завернул ключ и гайку в песчано-древесную бумагу, которую покупал специально для Германа, и перевязал бечевкой.

– Благодарю.

– Всего хорошего! – ответил Ран, косясь на сверток.
«Ну, ребята, держитесь, прогонит вас старик через душерубку... Будьте стойкими и верными себе и возможно вы выиграете свою жизнь у гениального мастера.

Глава 16

– Кааать, ну правдааа, почему мы должны делать эту дурацкую работууу? Наймите промоутеров, пусть стоят за этими стойками. – тягучим голосом с «гламурным» акцентом девушки, претендующей на все короны мира, подлила масла в огонь Лиза.

У Катьки был бунт на корабле, причем, серьезный. Еще до начала этой внеплановой планерки до Катьки дошли слухи о том, что, если всех заставят выйти на улицу предлагать прохожим подключить новую услугу «Работа в телефоне», все девочки-менеджеры подадут заявление на увольнение. Завоდიлой была Машка, умная хваткая девица, хороший и ответственный сотрудник, к тому же лучший продажник. Машка апеллировала тем: «что я не для этого пять лет училась в вузе, чтобы стоять на сорокоградусной жаре и хватать за руки незнакомых людей. И если об этом узнает мой муж, то он запретит мне работать совсем!» Аргумент был вполне весомым и, в душе Катька с ним соглашалась. Но по другую сторону баррикад у Катьки был Сергеич. Так приближенные называли директора, а заодно и одного из учредителей компании, в которой уже без малого восемь лет работала Катька, на данный момент занимая должность руководителя отдела развития. Сергеич в очередной раз придумал «хрень». По сути своей Сергеич – настоящий стержневой мужик, непо-

хой, больше интуитивный директор, с неиссякаемым потоком оптимизма, энергии и новых идей. Сергеич буквально фонтанировал идеями, но порой его заносило. И возвращать «фонтан» в русло реальности могла только Катька, только она с ним спорила, доказывала обратное. Катька могла отжать свое, при этом сохраняя лицо директора и хорошие рабочие отношения с ним.

Когда Сергеич озвучил идею о продаже смс-услуги менеджерами на улицах города, Катьку передернуло, она сразу поняла, что ее «акулы» не воспримут этот чудо маркетинговый ход конем «на ура». Катька начала было возражать и приводить весомые аргументы против, но Сергеич в этот раз был непоколебим. «Ладно – подумала Катька. – Пока распоряжение попридержу, а вы остынете за неделю». Но Сергеич не остыл, а затребовал первые результаты. Катька выкрутилась, что еще не начинали, мол, не готовы выносные стойки, Сергеич рассердился, сам взялся за эти стойки, и через три дня их уже развезли по офисам.

Катька формировала отдел продаж дотошно и трудоемко, применяя свой опыт, свое обаяние, чувство юмора, а в последствии строгость и даже жесткость. Их компания занималась страхованием, ценными бумагами и недавно открытым новым направлением – подбором персонала и трудоустройством. Помимо головного в городе было открыто еще пятнадцать офисов, в которых работали набранные и обученные лично Катькой «девочки-красавицы палец в рот не клади».

Зубастые девочки исправно делали план, принося прибыль и получая вполне достойные зарплаты для их возраста и для провинциального города в целом.

Сейчас Катька балансировала между массовым увольнением всего с таким трудом возвращенного отдела продаж и оценкой себя как специалиста, как профессионала перед Сергеичем. Сказать, что все отказываются и давайте забудем и похороним эту «хрень» Катька не могла, это означало бы, что она проиграла, проиграла Сергеичу и своим же «акулам».

Катька пошла ва-банк.

– Лиза – с первого же слова включила металл Катька, которого боялся даже сам Сергеич. – Ответь мне на вопрос – Почему каждую планерку я слышу постоянно от тебя жалобы и недовольства? Работой, условиями, планами?... Поднимем ваши результаты за последние три месяца... – Катька подготовилась, досье в распечатанном варианте было на каждую. – Итак, Саркова Елизавета – Май – 67 из 90, июнь – 56 из 100, июль – 78 из 110, и пять коррекций из отдела контроля качества при допустимых трех.

– Ну, в июле я болееела неделю, а контроль качества ... Там Ирина взъееелась на меня... Ну ты знаешь из-за чего – сдулась Лиза, опустив голову.

– Женя тоже болела, но это не помешало ей выполнить план. – продолжила с металлом в голосе Катька. – Как я должна поступить с сотрудником, который только и делает,

что постоянно жалуется, мутит воду в коллективе и при этом показывает худшие результаты? На! – Катька подошла к Лизе и дала ей чистый листок. – Пиши заявление на увольнение... – девочки ахнули. – С открытой датой. – Сердце Катьки билось не меньше, чем у девчонок, которые сидели притихнув и вытаращив глаза.

– Так, теперь, что касается работы на улице по подключению нашей новой услуги «Работа в телефоне» – продолжила Катька, заметив, что Лиза плачет.

– Лиза, успокойся, отложи лист и послушай меня сейчас... Потом поговорим. – Катя смягчилась.

– Я вас понимаю, в первую очередь, как девушка, и поверьте, я тоже не для этого получала высшее образование. Но наша работа состоит из многих аспектов, есть которые мы любим и делаем с удовольствием, а есть которые мы терпеть не можем, но делать их нужно. Я терпеть не могу бегать, но бегаю, потому что, во-первых, это хорошая профилактика заболеваний сердца, а во-вторых, бег качает ноги и попу, а для меня это ооочень важно, мне двадцать девять, а я до сих пор не замужем. – девочки улыбнулись, кто-то хихикнул.

– Да, вам в свои двадцать смешно, а мне под тридцатник – увы нет. – хотя на самом деле Катьке тоже было смешно. – Вы знаете, что для Ивана Сергеевича наша компания как ребенок, как родной ребенок, которого он растит уже десять лет, это немалый срок. И это уже смысленный симпатичный мальчик, ну или девочка... – девушки вновь заулы-

бались. – И сейчас в нашей компании появилось новое направление, можно сказать, что это второй наш ребенок, еще совсем грудничок...Его надо развивать, поднимать на ноги, надо с чего-то начинать... Пока мы не понимаем, будет ли оно рентабельным, принесет ли прибыль, но это не значит, что нужно стоять и биться о стену головой в сомнениях, нужно просто делать. Вот и все. – Катька выдержала небольшую паузу и продолжила.

– Я составила план работы на улицах по офисам. Так как в офисе вас работает по двое, график следующий– с девяти до десяти – одна, с десяти до одиннадцати другая, с одиннадцати до трех не работаете, так как жарко, затем с трех до четырех и с четырех до пяти также по очереди, после пяти заканчиваете, потому что идет наплыв клиентов в офис. Последняя заносит стойку в офис, она не тяжелая, только не забывайте, а то украдут как в прошлый раз штендеры... У кого кстати украли штендеры? – задала вопрос Катя, прекрасно помня у кого.

– У Лизы – буркнули девочки, уже начав о чем-то переговариваться.

– Ну вот, опять у Лизы...Получается, что за целый рабочий день вы находитесь на улице всего лишь два часа.

– Кааать, Кааать! А можно сразу отработать два часа?... Одна утром, а вторая вечером?...Что ходить туда-сюда? – посыпались вопросы.

– Вообще без проблем, как хотите. – отлегло от сердца у

Катьки. – Только составьте мне расписание на неделю в какие дни кто и как работает, буду приезжать проверять. Первые дни поработаю с каждой сама.

Катька зашла в свой кабинет с мокрой спиной. «Фух! Сделала! Пойду к Сергеичу, жажну коньячка, пусть расплачивается... Херов стратег!»

Глава 17

Девушка в длинном платье винного цвета и такими же вызывающими винными губами стояла у двери подъезда нового дома с шикарными апартаментами на Пречистенке, здесь останавливался, когда прилетал в Москву, Виктор. Он всегда «вызывал» девушку пораньше, часиков в шесть-семь, чтобы до двенадцати все закончить, выспаться и с утра поехать на прыжки или теннис. Был вторник, на улице было еще светло, и Катька немного стеснялась своего «боевого» наряда и раскраса «не в тему». Но Виктору очень нравились ее подобные образы, и девушка тешила его самолюбие, так как десять тысяч на дороге не валялись. Катька стояла у двери уже пять минут, набирая в домофоне номер его квартиры и кнопочку «В», но ожидаемого звонка так и не поступало.

– Девуууушка! Вам в какую квартиру? – раздался грубый мужской голос из домофона, что Катька отпрянула от неожиданности.

– Мммм...– не хотела признаваться Катька . – В сто шестьдесят шестую.

– Да, нас предупредали. Нажмите на кнопку звонка и заходите. – уже мягче ответил голос.

Дверь открылась и Катька, стуча каблучками, проследовала к лифту. Она кожей чувствовала обжигающие взгляды двух пар глаз охранников, особенно в разрезе платья на спи-

не. Катька выпрямилась и гордо шла, выпятив грудь, а что ей оставалось, если играть, то уж играть до конца, но шла она вовсе не к лифту. Катька опять дезориентировалась на местности и оказалась в просторной гостиной с диваном, креслами и небольшим столиком с глянцевыми журналами. «Так, блядь, а где лифты вообще?» – разозлилась девушка своей топографической тупости. Обычно они заходили в квартиру с Виктором, и Катька совершенно ничего не запоминала, одна она приезжала к нему во второй раз с перерывом в несколько месяцев. Катька запаниковала и уже не так гордо начала метаться по холлу в поисках лифта.

– Девууууушка! – мерзко протягивая «уууу», вновь обратился к ней охранник.

– Лифты прямо и налево, пятый этаж. – очень к месту подсказал мужчина, потому что Катька как всегда забыла и этаж.

– Да, спасибо. – Катька натянуто улыбнулась, чертыхаясь про себя: «Да сколько можно быть такой тупицей! Я же постоянно забываю квартиры, этажи, как идти, ничего, сука, не помню никогда!»

Еще Катьку в таких домах напрягали охранники, которые останавливали ее у входа и расспрашивали, какая квартира ей нужна. Однажды Эдуард забыл предупредить охранника, и тот ответил, что он не может ее пропустить, пока не согласует данный вопрос с хозяином. «Блядь! – ругалась Катька. – Спрошу у Хозяина! А ты лакей что ли, докладываешь, кто к

нему пожаловал с визитом!»

– Я сама позвоню, не нужно согласовывать.

– Нет, я должен убедиться в этом сам. – спокойно ответил «лакей» и стал звонить «хозяину».

Видимо получив «добро», лакей улыбнулся и сказал:

– Проходите!

– Простите – не выдержала Катька. – А я что, несу какую-то потенциальную опасность? – сыронизовала девушка, давая оглядеть себя в тонком узком платье, с глубоким декольте и маленьким клачем в руке. – Вы думаете у меня, не знаю, в трусиках бомба?! Или я похожа на воровку?! Уверяю, я бы придумала что-то более оригинальное, как проникнуть в этот дом!

– Нет-нет, – покраснел лакей, – просто так положено.

«Ну совершенно никакой личной жизни! – возмущалась девушка, поднимаясь в лифте. – По сути эти «лакеи» знают все о всех, кто, когда, как часто и к кому приходит. Ничего от них не скроешь! Больше всего Катьке было неприятно осознавать, что и к Эдуарду, и к Виктору приезжала не только она, но и другие женщины, и охранники все знали, и с интересом разглядывая девушку, ухмылялись и говорили что-то типа «Очередная...».

– Привет! – как обычно улыбкой чеширского кота встретил Катьку Виктор.

– Привет!

– Прекрасно выглядишь! Как добралась?

– Благодарю! Да хорошо – ответила Катька, снимая туфли. – Как сам? Как день твой?

– Да тоже хорошо, сейчас приехал только с вейкбординга, вон костюм сушу в ванной. Здорово покатались, попрыгал, пару приемчиков разучил. К сожалению, нас становится много сейчас, все ко мне липнут. – не преминул оставить себя без комплимента Виктор. «Всегда все к нему тянутся, все им восхищаются, и вот такой он молодец и такой он замечательный... Хммм... А тоже, кстати рак, но не особо-то в норе своей сидит, а любит внимание, славу... Да, пожалуй, да...». – Катька снисходительно улыбнулась.

– О! Ты молодец! Всем даешь фору, они, наверно, хотят у тебя научиться! – продолжила тешить самолюбие мужчины Катька.

– Ну да, я же профессионал в вейке.

«И в сноуборде он, блин, тоже профессионал. – съязвила про себя Катька. – Только вот в сексе как-то не очень... Наверно, без доски не может... Или ему нужна публика, чтобы что-то делать хорошо? А здесь в квартире даже кота нет, чтобы он мог потом ему лапой хпонуть по плечу:

– Братан, ну ты был крут сегодня! Так зажег! Так бедную девочку... Она аж раз пять.

– По -моему, шесть, – обязательно вставит Виктор.

– Сори, шестой не увидел. – безапелляционно ответит кот.

– Ну, подожди, как это не видел! Вспомни! Когда я делал поворот с левой руки, моя правая нога была на ее левом бед-

ре, другая нога на ягодице и член упирался прямо в точку джи, она еще тогда ахнула! – завелся Виктор.

– А, ну сори, сори, я не спорю. Ты крут и это однозначно! А как ты сальто сделал?! Вообще огонь! Почти до люстры и так четко приземлился прямо в нее, я заценил, красавчик! – опомнится кот в какое русло нужно перевести диалог, поглядывая на пустую миску.

– Да, да, ты видел это!!! Я это сальто знаешь сколько на вейке и на прыжках отработывал, и вот все получилось! – сиял Виктор».

– Ты будешь со мной вино?... Или текилу, еще осталась с прошлого раза? – спросил Виктор, открывая холодильник.

– Текилу.

– На ужин я взял настоящие лепешки с тыквой, мясом и зеленью. По дороге у меня открылась настоящая узбекская пекарня, беру у них, довольно неплохо, мне нравится. Еще есть хумус, блины сладкие и с сыром, так... Сыр... На режь... Еще орехи...

– А яблоки, не брал яблок? – с надеждой спросила Катька.

– Ай! Забыл, я забыл, что ты любишь яблоки... Ну есть лимон, лайм вот взял к текиле.

– Ну хорошо, давай лайм, сыр... Что еще нужно порезать?

Катька резала сыр и аккуратно раскладывала кусочки на тарелку, Виктор копошился с остальной едой. Девушка не раз ловила себя на мысли, что когда с мужчиной происхо-

дит быстрый секс или только секс без длительного знакомства, общения, либо каких-то связывающих обстоятельств мужчину очень трудно назвать по имени. «Да-да... Просто по имени... Язык не поворачивается... Катька про себя репетировала: Вить, дай мне другой нож, пожалуйста... Ну как-то Вить... Как будто жена... Вить... Нет, а Виктор?... Нет, Виктор совсем никуда не годится... А как его по отчеству ? – уже глумилась Катька. – Виктор Йосефович или Давидович... Ахаха! А так мне было бы удобнее, по имени отчеству... О, великий учитель Виктор Йосефович!!! А! У него же мать еврейка, а отец латыш... Значит Виктор Андрисович... Или Маркусович... Нет, ему больше еврейское отчество подходит, вот прям он!» Но еще хуже дело обстояло с Эдуардом, за все время их встреч, Катька только один раз обмолвилась словом «Эд» и больше не могла никак его называть. Эдуард никуда не годилось, а Эд было как-то по-мальчишески, как-то панибратски. «Может быть... Эдик? Нет, за Эдика вообще могу словить». И очень часто в такие моменты неловких обращений Катька вспоминала Жоан Маду из «Триумфальной арки» Ремарка, которая говорила, что легче с мужчиной переспать, чем назвать его по имени.

Глава 18

Мужчины из прошлой жизни объявляются, как правило, внезапно. Вот и Сашка из не сложившегося романа десятилетней давности упал на Катюшку как снег на голову.

– Катюююнь, привееет! А ты чооо в Москве что ль? – по-ужному тянул слова Сашка.

– Привет! Ну как год уже... А ты что это звонишь вдруг? Соскучился?

– Даааа! А чо это ты год и молчишь! Я вообще через «Контакт» узнал, что ты в Москве, спасибо старый номер держишь, а то бы и не дозвонился!

– Саш, а смысл? Как показывает практика мы с тобой не совсем идеальная пара... Мягко сказать.

– Катюнь, не спорю... Дурак по молодости был... Сейчас все косяки свои осознаю... Была бы возможность, все сделал бы по-другому. А ты сейчас в Москве где живешь? Замуж-то вышла?

– Замуж не вышла, живу с подругой в Бутово.

– Подруга такая же красивая и с сиськами? – заржал Сашка.

– Красивая, но без сисек, с ногами... Длинными. Блондинка.

– Слушай, Каааать! А может на выходных шашлычки за-мудим? Что вы там в четырех стенах сидите! Хоть воздухом

подышите! Я подруге парня найду, есть у меня друг каланча!

– Саш, смыыыысл?

Катька не видела никакого смысла вновь встречаться с Сашкой. Во время их романа Санек был любителем пивка и тусовок, постоянно менял работы и периодически занимал у Катьки деньги до тех пор, пока еще более в теле, еще более кудрявая и сисястая Катька не швырнула в него сковородку. В тот момент металлические весы решали проблему больше силовыми методами, чем коммуникационными.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.